

«ИЗУМИТЕЛЬНО, ТРАГИЧНО И ОЧЕНЬ ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕ».

НИКОЛА ИИ, автор бестселлера THE NEW YORK TIMES

«РЕЧЬ ЭТОТ МИР»

Дни прощаний

роман

Джефф Зентнер

18+

Джефф Зентнер

Дни прощаний

Серия «#YoungLife»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26903544
Дни прощаний / Джефф Зентнер: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-110297-5*

Аннотация

«Вы где, ребята? Ответьте». Это последнее сообщение, которое семнадцатилетний Карвер Бриггс отправил своим лучшим друзьям Марсу, Эли и Блейку. Он не мог даже предположить, что из-за невинного смс его друзья погибнут.

Теперь Карвер винит себя в автокатастрофе. И не он один – семьи его погибших друзей твердо намерены призвать Карвера к ответу.

В попытке справиться с горем Карвер устраивает «дни прощаний» с Марсом, Эли и Блейком, по кусочкам собирая воспоминания о своих друзьях и самого себя – заново...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	42
Глава 6	57
Глава 7	59
Глава 8	71
Глава 9	75
Глава 10	97
Глава 11	111
Глава 12	112
Глава 13	113
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Джефф Зентнер

Дни прощаний

Моей прекрасной Саре.

Ты – мой цвет зимних ночных облаков.

Моя правильная синяя музыка.

Глава 1

В зависимости от того, кто спрашивает или, наоборот, *кого* спрашивают, вероятно, это я убил трех своих лучших друзей.

Спросите бабушку Блейка Ллойда, Нану Бетси, и она наверняка ответит «нет». Потому что когда мы виделись с ней сегодня, она схватила меня в охапку и со слезами на глазах прошептала: «Ты в этом не виноват, Карвер Бриггс. Это известно Богу, и мне тоже». А Нана Бетси всегда говорит что думает. Так что вот так.

Если бы вы спросили родителей Эли Бауэра, доктора Пирса Бауэра и доктора Мелиссу Рубин-Бауэр, думаю, они ответили бы «возможно». Когда мы встретились с ними сегодня, они посмотрели мне прямо в глаза и пожали руку. На их лицах лежала печать тяжелой утраты, но не гнев. И я почув-

ствовал безысходность в их слабых рукопожатиях. Думаю, такое их состояние связано с бесконечными размышлениями, считать ли меня в той или иной степени причастным к их потере. Так что они вполне могли сказать «возможно». Их дочь Адейр? Сестра-близнец Эли. Мы дружили. Не так близко, как с Эли, но дружили. Уверен, она точно считала, что во всем виноват я, судя по брошенному на меня гневному взгляду. Словно она желала, чтобы я тоже оказался в той машине. Это произошло всего несколько минут назад, когда она разговаривала с кем-то из наших одноклассников на похоронах.

Теперь судья Фредерик Эдвардс и его бывшая жена Синтия Эдвардс. Если бы вы спросили их, убил ли я их сына Тергуда Маршалла (или Марса) Эдвардса, думаю, они четко ответили бы «наверняка». Когда я сегодня увидел судью Эдвардса, он, как всегда безукоризненно одетый, наклонился ко мне. Некоторое время мы молчали. Воздух вокруг сделался плотным и тяжелым, словно камень.

– Рад видеть вас, сэр, – сказал я наконец и протянул ему свою потную руку.

– Здесь нет ничего радостного, – произнес он своим царственным голосом и, играя желваками, посмотрел поверх меня. Мимо меня. Словно думал, что если убедит себя в моей ничтожности, то сможет поверить и в то, что я не имею отношения к смерти его сына. Он пожал мою руку, потому что это был его долг, и лишь так он мог причинить мне фи-

зическую боль.

Ну а теперь моя очередь. И вот я сказал бы, что это именно я убил трех своих лучших друзей.

Не специально. Я уверен, никто не верит, что я сделал это специально, пробравшись под их машину глухой ночью и повредив тормоза. Нет, но это жестокая ирония для писателя вроде меня: я просто вычеркнул их из жизни. **Вы где, ребята? Ответьте.** Простое, неоригинальное послание. Но копии нашли телефон Марса (Марс был за рулем), в котором оказалось недописанное смс. Он хотел ответить на мой вопрос и, похоже, именно этим и занимался в тот момент, когда врезался на автострате на скорости почти семьдесят миль в час в зад трейлера. Машина проскочила под трейлером, и ей полностью срезало крышу.

Уверен ли я, что это смс запустило в действие цепочку событий, повлекших за собой смерть моих друзей? Нет. Но это вполне возможно.

Я ошеломлен. Раздавлен. Но еще не в тисках ослепляющей, звенящей боли, которая, не сомневаюсь, ждет меня в череде стремительно надвигающихся дней. Я вспомнил, как когда-то чистил лук, чтобы помочь маме на кухне. Нож выскользнул из рук и поранил мою ладонь. В мыслях возникла пауза, словно телу требовалось понять, что оно ранено. В тот момент я четко знал две вещи. Первое – я чувствовал стремительный удар и тупую пульсацию. Но боль приближалась. О, она стала нарастать. И второе – я знал, что через па-

ру секунд залью кровью любимую мамину бамбуковую доску для нарезки овощей (да, у людей частенько формируется глубокая эмоциональная привязанность к разделочным доскам; и нет, я не понимаю, как это происходит, поэтому не стоит спрашивать).

И вот я сидел на похоронах Блейка Ллойда и ждал боли. Ждал, когда из меня хлынет кровь, заливая все вокруг.

Глава 2

Я – семнадцатилетний специалист по похоронам.

В наших планах значилось закончить последний курс колледжа при Художественной академии Нэшвилла, штат Теннесси. А затем Эли собирался поступить в музыкальный колледж Беркли, чтобы изучать игру на гитаре. Блейк выбрал Лос-Анджелес, решив испытать себя на поприще комика и всерьез заняться написанием сценариев. Марс еще не знал, куда отправится. Зато он знал, что *точно* попробует себя в качестве иллюстратора комиксов. Ну, а я собирался рвануть в Севани или Эмори, чтобы посвятить жизнь литературному творчеству. Таковы были наши планы.

Но в эти планы *не* входило, что мне придется ждать, когда предадут земле третьего члена Соусной Команды. Вчера были похороны Марса. Днем раньше – похороны Эли.

Похороны Блейка проходят в крохотной белой баптистской церкви, одной из 37 567 крохотных белых баптистских церквушек, затерявшихся на просторах округа Дейвидсон. В ней противно пахнет галетами с отрубями, клеем и старым ковром. Стены украшены нарисованными пастелью изображениями Иисуса. На этих картинах Иисус, напоминающий бородатый леденец на палочке, раздает голубых и зеленых рыбок множеству других нарисованных фигурок. Кондиционер не справляется с августовской жарой, и я нещадно по-

тею в темно-синем костюме, который помогла мне выбрать моя сестра Джорджия. Точнее, она выбрала его за меня, пока я в оцепенении стоял рядом. Я лишь на мгновение вышел из ступора, чтобы заявить, что рассчитывал на черный костюм. Джорджия ласково объяснила, что темно-синий цвет подходит как нельзя лучше и я смогу носить костюм после погребения. Она постоянно забывала произносить это слово во множественном числе – *погребений*. А может быть, и нет.

Я сижу в последних рядах церкви, уткнувшись лбом в спинку скамьи передо мной, наблюдая, как кончик моего галстука раскачивается взад-вперед, и размышляю о том, как люди доходят до такой жизни, когда все вокруг начинают говорить: «Эй! Постой-ка! Чтобы я смог серьезно к тебе относиться, ты должен нацепить себе на шею яркую остроко-нечную полоску ткани». Голубой ковер повсюду испещрен белыми пятнами. Интересно, кто придумал дизайн ковра? Чье это творение? Кто говорил: «Нет! Нет! Еще чего-то не хватает! Добавим... белые пятнышки! И вот тогда мой ше-девр будет завершен!»? Я обмозговываю всю эту чепуху, потому что старый добрый абсурд нашей жизни – едва ли не единственное, что может отвлечь меня, а именно сейчас мне необходимо отвлечься.

Лоб разболелся от соприкосновения с твердой и гладкой деревянной спинкой скамьи. Надеюсь, со стороны кажется, что я молюсь. Это самое подходящее занятие во время отпечения в церкви. Кроме того, так я могу избежать ненужных

разговоров о разных пустяках (которых терпеть не могу ни при каких обстоятельствах). Люди рассаживаются вокруг с тихим скорбным шепотом, словно рой печальной саранчи. *Разве это не ужасно... Какая потеря... Он был так молод... Он был таким жизнерадостным... Он был... Он был... Он был...* Люди прячутся за избитыми фразами. Человеческий язык беспомощен перед лицом смерти. Но, думаю, в подобных обстоятельствах было бы чересчур просить людей отклониться от старых добрых проверенных штампов поведения.

В церкви множество людей. Родственники Блейка из Восточного Теннесси. Прихожане из церкви Блейка. Друзья Наны Бетси с работы. Группа наших одноклассников из колледжа при Художественной академии Нэшвилла. С большинством из них я в весьма неплохих отношениях, с некоторыми мы даже дружим. Кое-кто подходит, торопливо выражает соболезнования и сразу отходит в сторону, оставляя меня одного, но я им благодарен за это. Конечно, только в том случае, если они оставляют меня из сострадания, а не потому, что Адейр уже всех убедила, что я – убийца.

Рядом со мной раздается шорох, мягкая обивка скамьи слегка прогибается, я ощущаю тепло и терпкий, пронизанный солнцем аромат жимолости. Если какой запах и бросает вызов смерти, то это точно запах жимолости.

– Привет, Карвер.

Я поднимаю голову. Это Джесмин Холдер, девушка Эли.

Бывшая девушка? Они не расставались. Встречались где-то около двух месяцев. У нее темные круги под глазами. Горе припорошило ее лицо, словно пыль.

– Привет, Джесмин.

– Можно я присяду здесь?

– Конечно. – *Рад, что Адейр не добралась хотя бы до одной будущей однокурсницы.*

– Ну да я и так уже здесь сижу.

– Кто-то сказал, что легче попросить прощения, чем разрешения.

– Ты здесь один? – спрашивает Джесмин. – На двух других похоронах ты был с девушкой.

– Это моя сестра Джорджия. Она сегодня на работе. Прости, что мы так и не поговорили с тобой на двух предыдущих похоронах.

– Мне было не до разговоров.

– Понимаю. – Я тяну книзу свой галстук. – Неужели здесь действительно так невыносимо жарко?

Вообще-то лучше бы меня сожрал «дракон» с Комодо¹, чем вести всю эту болтовню. Но иногда ты делаешь то, что должен.

– Да, но у меня филиппинские гены и я нормально переношу жару, – говорит Джесмин.

Мы некоторое время сидим молча, пока она разглядывает присутствующих.

¹ Огромный варан с индонезийского острова Комодо.

– Я узнаю многих людей с двух других похорон.

Я слегка приподнимаю голову.

– Многие собираются в Художественную академию Нэшвилла. Твои планы не изменились?

– Конечно, нет. Ты ведь не думаешь, что я хотела поступить туда из-за Эли, правда?

– Нет. Ну, я не знаю. Нет.

– Две девчонки из академии в прошлом году попали в фортепианную программу Джуллиарда. А это невероятная удача. Поэтому я решила поступать туда еще до того как встретила Эли.

– Я рад, что ты держишься. Я не имею в виду ничего плохого.

– Нет проблем. Но сейчас так странно говорить об этом.

– Сейчас вообще обо всем странно говорить.

– Да.

Впереди, с трудом передвигая ноги и рыдая, к кедровому гробу Блейка приближается Нана Бетси, чтобы еще раз провести ладонью по его гладкой поверхности до начала погребальной церемонии. Я сделал то же самое до того, как сел на скамью. Аромат кедра. Острый и чистый. Этот запах совсем не подходит для того, чтобы исчезнуть под землей. Гроб закрыт. Людям нельзя видеть, как выглядит жертва несчастного случая. И потому на закрытой крышке гроба установлена фотография Блейка на деревянной подставке. Он специально хотел выглядеть на ней смешно. Это фотопортрет,

сделанный в универмаге Олан Миллз или Сирс-студио, или где-то еще в этом роде. На Блейке свитер из сэконд-хэнда в стиле 80-х и брюки цвета хаки со складками. Он держит в руках огромного сердитого персидского кота. Своего кота у него не было. Он его специально позаимствовал для этой фотографии. И в этом был весь Блейк. На его круглом лице сияет искренняя и счастливая улыбка. Глаза закрыты, словно он моргнул во время вспышки. Блейк считал фотографии с моргнувшими людьми очень забавными.

Я не мог сдержать улыбки, увидев это фото. Даже в таких обстоятельствах. Стоило Блейку только войти в комнату, и я уже заранее начинал смеяться.

– А почему твои родители не приехали? – спросила Джесмин, отвлекая меня от воспоминаний.

– Они в Италии, отмечали двадцать пятую годовщину свадьбы. Пытались вернуться, но не смогли достать билеты, а отец еще умудрился потерять паспорт. Они возвращаются завтра.

– Хреново.

– А почему ты не сидишь с родителями Эли?

Джесмин скрещивает ноги и смахивает белую пушинку с черного платья.

– Сначала я сидела с ними. Но Адейр слишком раздражена. А потом я увидела, что ты сидишь здесь такой одинокий.

– Возможно, я всегда так выгляжу.

Она откинула с лица темно-рыжий завиток волос, и ощу-

тил запах ее шампуня.

– Мне стало бы очень неловко, если бы я подошла к тебе выразить сочувствие, а ты в нем не нуждался.

– Адейр не понравится, что ты подошла ко мне.

– Да уж. Но жизнь – сплошной риск.

Усталость дает о себе знать. За последние три дня я спал от силы несколько часов. Я тру глаза и поворачиваюсь к Джесмин.

– Ты разговаривала с Адейр или с родителями Эли после того, что произошло? – Сказав это, я тут же понимаю, что не представляю себе, каково мнение самой Джесмин о случившемся. Недосып настолько притупил мои реакции, что я задаю вопросы, ответы на которые, возможно, не готов слышать.

Она открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент начинается служба. Мы склоняем головы, пастор из церкви Блейка читает молитвы, а затем произносит слова утешения из Евангелия. Все это больше напоминает мне роскошные похороны Марса в американской православной Церкви Нового Вефиля, чем скромное прощание с Эли в зале гражданской панихиды братьев Коннелли. Родители Эли атеисты, и это были первые похороны, на которых не упоминался Бог. Мне всего семнадцать, а мой похоронный опыт уже, возможно, не меньше, чем у людей в два раза старше меня.

Шестеро участников хора из Художественной академии Нэшвилла исполняют реквием а капелла. Они пели его и на

похоронах Марса и Эли. Слезы струятся по лицу Джесмин, словно русла рек. Она скомкала бумажную салфетку и вытирает глаза и нос, глядя прямо перед собой. Я не понимаю, почему не плачу. Мне следовало бы расплакаться. Возможно, по той же причине снег не идет, когда слишком холодно.

Один из дядьев Блейка читает Первое послание к Фессалоникийцам 4:14–17 с сильным акцентом жителя Восточного Теннесси. Его большие ладони дрожат. И голос тоже дрожит. *Мы верим, что Иисус умер и что Он воскрес, и поэтому верим, что вместе с Иисусом Бог приведет и тех, кто умер с верой в Него. Мы теперь говорим вам со слов Господа, что мы, которые будем еще в живых к тому времени, когда придет Господь, нисколько не опередим тех, кто к этому моменту уже умрет. Потому что Господь сам придет с небес (о чем возвестят громкий клич, голос архангела и труба Божья), и умершие с верой во Христа воскреснут первыми. Потом и мы, оставшиеся в живых, будем вместе с ними подняты на облаках, чтобы встретить Господа в воздухе, и уже всегда с той поры будем с ним².*

На спинку скамьи передо мной опускается муха и принимается потирать задние лапки. Эта муха жива, а Блейка больше нет на свете. Мир вокруг переполняет пульсирующая, гудящая жизнь. И только в деревянном гробу посреди церкви ее нет. Там все совершенно неподвижно. А причиной этой неподвижности стало мое абсолютно банальное,

² Новый русский перевод.

рутинное действие, обычная смс-ка друзьям. Человеческий эквивалент мухи, потирающей задние лапки. Это то, что мы обычно делаем. И это никак не должно было убить трех моих лучших друзей.

Нана Бетси, хромая, ковыляет к кафедре проповедника, чтобы произнести надгробную речь. У нее больные колени. Она долго собирается с духом. В ее руках ничего нет, словно она намеревается произнести то, что у нее на душе. И судя по ее выражению лица, она не знает, с чего начать.

Я стараюсь затаить дыхание, чтобы не нарушить тишину, повисшую вокруг. Во рту пересохло, а голова начинает раскалываться от боли. Горло саднит, словно там что-то застряло. Шаткая стена, которую я выстроил – которую каждый из нас выстроил, чтобы защитить окружающих от проявлений своей скорби, – начинает рассыпаться в прах.

Наконец Нана Бетси откашливается и начинает говорить.
– Жизнь Блейка не всегда была легкой. Но он жил радостно. Любил свою семью. Любил друзей. И они любили его.

И вот стена рушится и наружу выплескивается бурлящее серое море. Я упираюсь локтями в колени и закрываю лицо ладонями. Прижимаю ладони к глазам, и горячие слезы сочатся сквозь пальцы. Я дрожу. Джесмин кладет руку мне на плечо. Наконец боль в горле стихает, словно вскрылся нарыв, полный слез.

– Блейк был веселым, – говорит Нана Бетси. – Если вы были знакомы с ним, то наверняка он не раз смешил вас.

Слезы стекают по запястьям и пропитывают манжеты рубашки. Они капают на голубой ковер с белыми пятнами. На какой-то миг я думаю обо всех местах, где оставил крупицу себя. Теперь крошечная часть этой церкви хранит мои слезы. Возможно, после моей смерти можно было бы вырезать кусок ковра и извлечь мою ДНК из впитавшихся в него слез, а затем воскресить меня. Возможно, именно в этом и будет заключаться воскресение из мертвых.

– Вспоминайте о нем каждый раз, когда кто-то заставит вас смеяться. Вспоминайте о нем каждый раз, когда сами рассмешите кого-то. Вспоминайте о нем каждый раз, когда услышите чей-то смех.

Я глубоко вздыхаю, и воздух со свистом и дрожью врывается в легкие. Возможно, звук чересчур громкий, но мне плевать. Я специально сел в самом конце, и по крайней мере никто не оборачивается, чтобы взглянуть на меня.

– Я с нетерпением жду дня, когда снова увижу его и обниму. А до тех пор верю, что он будет сидеть у ног нашего Спасителя. – Она умолкает, чтобы собраться с силами и закончить свою речь. – И, возможно, он смешит и Иисуса. Спасибо всем, что пришли. Для Блейка это многое бы значило.

Поминальная служба завершается. Я встаю, чтобы нести гроб. На похоронах Марса и Эли меня никто не просил нести гроб.

Джесмин дотрагивается до моей руки.

– Эй... Хочешь поехать на кладбище?

Я благодарно киваю ей и прихожу в себя. Словно очнувшись от одного из тех кошмаров, когда ты плачешь и просыпаешься на подушке, мокрой от слез. Твое горе подобно зверю, бесформенному существу, наслаждающемуся безумием кошмаров. Проснувшись, ты не можешь вспомнить, из-за чего плакал. Или вспоминаешь, что плакал, потому что тебе предлагали шанс на искупление. И понимая, что это всего лишь сон, продолжаешь плакать, потому что надежда на искупление – это еще одна твоя потеря. А ты устал от потерь.

Я помог донести гроб Блейка до катафалка. Он весил тысячу фунтов. Я помню, учитель естествознания как-то спросил: «Что весит больше, фунт перьев или фунт свинца?». И все ответили, что фунт свинца. Но пара сотен фунтов лучшего друга и гроб не весят столько же, сколько пара сотен фунтов свинца или перьев. Этот вес гораздо больше.

* * *

От выхода из церкви до катафалка совсем близко, но в послеполуденной жары я взмок, добравшись наконец до старого пикапа «Ниссан», принадлежащего Джесмин.

– Прости, кондиционер не работает, – говорит она, смахивая нотные тетради с пассажирского сиденья.

– И ты не умираешь от жары, когда куда-нибудь едешь?

– А ты не можешь спросить как-нибудь по-другому?

– Ты не испытываешь ужасного дискомфорта, но не

смерть в буквальном смысле этого слова, когда куда-нибудь едешь? – Я забираюсь в машину и опускаю стекло.

Большую часть пути мы едем молча, влажный и горячий воздух обдувает наши лица. Кожа на моих щеках стянута от засохшей соли слез.

В паре кварталов от кладбища Джесмин спрашивает:

– Ты в порядке?

– Да, – лгу я. Проходит несколько секунд. – Нет.

Глава 3

Соусная Команда.

Каждой команде друзей необходимо название. Мы были Соусной Командой.

Второй курс. Окончание учебного года не за горами, и мы в постоянном состоянии эйфории. Вечер пятницы, и мы только что побывали на выставке подержанных машин, сдаваемых напрокат, в Художественной академии Нэшвилла. Но весной, в пятницу вечером, каждый в компании трех лучших друзей, даже если бы произошла самая ужасная катастрофа, – мы все равно пребывали бы в эйфории.

И вот мы сидим в МакДональдсе и обжираемся.

– Ладно, – вдруг ни с того ни с сего заявляет Марс с набитым гамбургером ртом. – Что, если бы вам пришлось классифицировать каждое животное как собаку или кошку?

Эли рыгнул газировкой. Мы уже смеялись над вопросом, а теперь заходимся от хохота над тем, как Эли пытается вытереть «Маунтин дью» со своей футболки с принтом Wolves in the Throne Room³, которую он носил не снимая.

Блейк хватается воздух ртом.

– О чем ты вообще говоришь?

Марс обмакивает ломтик картошки фри в мой кетчуп.

³ Wolves in the Throne Room – американская Black/Doom-metal группа, которую образовали в 2003 году братья Аарон и Натан Уивер.

– Нет-нет, все нормально. Просто проведите классификацию. Еноты – это собаки. Опоссумы – кошки. Белки...

– Стоп, стоп, – прерывает его Эли.

– Ты болван, Марс, – заявляет Блейк. – Еноты – это определенно кошки. А опоссумы – собаки.

– Нет, подожди! – восклицает Эли. – Любое животное, которое ты не сможешь выдрессировать, – это кошка. Нельзя дрессировать енотов. Значит, кошка. Нельзя дрессировать опоссума. Тоже кошка.

– погоди, откуда ты знаешь, что нельзя выдрессировать опоссума? – спрашивает Марс.

– Но кошку можно дрессировать, – вступаю я в разговор. – Я смотрел видео на YouTube, как кошка пользуется обычным туалетом.

Теперь все трое завывают от смеха. Едва дыша, Блейк сгибается пополам.

– Так вот чем ты обычно занимаешься дома в одиночестве – смотришь видео с писающими кошками!

– Нет, я просто случайно наткнулся на них. В жизни.

По лицу Марса градом катятся слезы.

– В жизни. Блэйд сказал «в жизни». О боже.

Вы поняли? Карвер Блэйд⁴? Блейк придумал прозвище. Это смешно, потому что я одеваюсь как парень, который хочет стать писателем, а моя старшая сестра занимается антропологией и помогает мне выбирать одежду. Таких парней

⁴ Carver Blade – оружие, которое используется во многих компьютерных играх.

обычно не называют Блэйд.

– Ладно, ребята. Теперь хорьки. Хорьки – это длинные кошки, – заявляет Эли.

– Я видел дрессированного хорька, так что они точно поддаются дрессировке, – отвечает Блейк.

– И пользуются человеческим туалетом? – спрашивает Марс.

– Не думаю, что существуют специальные туалеты для хорьков, – говорит Блейк.

– Хорьков действительно можно дрессировать, так что хорьки – определенно кошки, – парирует Эли.

– Ладно. Тюлени, – предлагаю я.

– Мммм... кошка, – отвечает Марс, задумчиво глядя вдаль.

Но на лице Эли явное недоверие.

– Постой, что?

– Но тюленей точно можно дрессировать, бро, – замечает Блейк.

– Нет, постойте, – вмешивается Эли. – Думаю, Марс хочет сказать, что лично для него тюлени похожи на кошек.

Марс стучит по столу так, что наши подносы дребезжат.

– Вот именно. У них кошачьи морды. И они любят рыбу. Кошки тоже любят рыбу. Тюлени – это водяные кошки.

Люди за соседними столиками недовольно поглядывают на нас, но нам глубоко наплевать. Помните? Юные. Живые. Весенний вечер пятницы. Перед нами целый стол нездорово-

вой, но вкусной еды. Лучшие друзья. Мы чувствуем себя королями. Ограничений для нас не существует.

Блейк встает и допивает свой напиток с громким хлопанием.

– Джентльмены, мне необходимо, – он рисует кавычки в воздухе, – типа, отлить. Прошу меня извинить. А когда вернусь, надеюсь узнать решение по вопросу тюленей-кошек.

Марс хлопает меня по спине.

– Ты бы мог пойти с ним и снять процесс на камеру.

– Парень, ты не сечешь, – отвечаю я. – Меня заводят только кошки. – Марс и Эли заходятся от смеха.

Мы погружаемся в обсуждение, к кошкам или собакам можно отнести кузнечиков, медуз и змей, как вдруг замечаем, что Блейка уже давно нет.

– Эй, чуваки, только взгляните. – Марс указывает на детскую площадку рядом с МакДональдсом. Блейк раскачивается на коне-качалке на толстой пружине. Он яростно машет нам, словно ребенок, и улюлюкает.

– Только посмотрите на этого придурка, – бормочет Эли.

– Он позор, – заявляет Марс.

– Постой, что? – переспрашиваю я. – *Он позор?* Люди так не говорят. Ты забываешь, что в предложении три слова, включая глагол-связку.

– А я говорю. Кто-то совершает глупости? Он позор. Ты совершаешь глупости? Ты позор.

Я качаю головой.

– Так не пойдет.

Эли собирает пакетики с соусом для куриных наггетсов, которые Блейк не успел распечатать, и вручает две штуки Марсу.

– Пошли, пора пристрелить его.

Я бросаюсь следом за ними.

– Блэйд, ты снимаешь, – кричит Эли.

Блейк раскачивается, вопит, безумно хохочет, размахивая над головой невидимой ковбойской шляпой, и машет нам.

Мы улыбаемся и машем в ответ, Эли и Марс машут одной рукой, пряча за спиной пакетики с соусами, глядя некоторое время на Блейка, пока я снимаю происходящее на телефон.

– Ладно, – едва слышно произносит Марс, все еще продолжая улыбаться и махать Блейку. – На счет три. Один. Два. Три!

Они с Эли перестают махать и устремляются вперед, неожиданно метнув пакетики с соусом. У Марса очень сильный бросок. Отец заставлял его заниматься всеми видами спорта. Эли гибок и поджар. Марс, вероятно, был бы неплохим баскетболистом, если бы смог хоть ненадолго забыть о своей гитаре и не цеплялся бы так сильно за длинные, выующиеся темные волосы, падавшие ему на лицо. Соусы терияки и барбекю попадают прямо в голову коня, раскрываются от удара и забрызгивают Блейка. Его радостное улюлюканье сменяется негодующими воплями.

– Ай-я-я-яй, перестаньте, кретины! Мерзость!

Марс и Эли дают друг другу «пять», а затем неуклюже проделывают это со мной. Терпеть не могу этот жест. А затем они валятся на землю и катаются по траве, заходясь в истерическом хохоте.

Блейк приближается к нам, вытянув руки, с которых капает соус. Марс и Эли тут же вскакивают на ноги. Блейк бросается в погоню, пытаясь измазать их соусом. Но по сравнению с ними он двигается слишком медленно, хотя они едва дышат от смеха. Наконец он сдаётся и удаляется в туалет. Возвращается, вытирая тенниску влажным бумажным полотенцем.

– Вы просто смехотворны. Долбаная Соусная Команда.

– Теперь нам так и надо называться. Соусная Команда, – заявляет Эли.

– Соусная Команда, – мрачно произношу я, вытянув руку тыльной стороной ладони вверх.

– Соусная Команда, – провозглашает Марс со своим ужасным английским акцентом и накрывает своей ладонью мою.

– Со-о-оусная Команда-а-а-а! – вопит Эли голосом спортивного комментатора, объявляющего начало боксерского поединка и кладет свою ладонь сверху.

Блейк начинает опускать свою ладонь на ладонь Эли, но затем шутливо шлепает его по щеке и тянется к Марсу. Они оба хихикают и уворачиваются в разные стороны, пытаясь держать руки вместе.

– Соусная Команда, – произносит Блейк и кладет ладонь

на ладонь Эли.

– Со-о-о-усная Команда! – вопим мы в унисон.

– Придурки, кто-нибудь из вас снял это? Я хочу выложить видео на YouTube, – говорит Блейк.

* * *

Я смотрю, как третьего члена Соусной Команды опускают в могилу.

Теперь Соусная Команда – это я.

Глава 4

Когда Джесмин останавливается около моей машины, уже далеко за полдень. Солнце пробивается сквозь листья, придавая им зеленоватое свечение. Голова у меня раскалывается. Догадываюсь, что дело не только в перенапряжении, но и в том, что я почти целый день ничего не ел.

Какое-то время мы сидим безмолвно, жара сдавливает нас, словно тиски. После долгой похоронной церемонии я, похоже, не в состоянии самостоятельно выбраться из машины.

Я кладу руку на проем окна.

– Спасибо за то, что сидела рядом со мной на службе, а потом отвезла на кладбище. И стояла там рядом со мной. А затем отвезла обратно. – Я замолкаю, потом говорю: – Прости, если я что-то забыл.

– Нет проблем. – У Джесмин утомленный голос.

Я берусь за дверную ручку, но останавливаюсь.

– Я ни разу не спросил, как ты.

Она вздыхает и опускает голову на руки, обхватившие руль.

– Хреново. Как и ты.

– Да.

Она смахивает слезы, несколько секунд всхлипывает. Затем медленно подползающее чувство вины перехватывает

эстафету у горя и бессилия. Это похоже на переход через замерзший ручей. Всего за секунду ледяная вода просачивается в обувь и пропитывает носки. Возможно, тебе даже удастся быстро вытащить ногу из воды. Но затем ледяная влага начинает распространяться по ноге и ты понимаешь, что остаток дня безнадежно испорчен.

Я подумал, что, возможно, она не винит меня ни в чем. Из-за своей доброты. Но что если дело совсем в другом и она просто пытается удержаться от ненависти ко мне? Я считаю, что убедить себя не ненавидеть кого-то возможно, вложив в него свою доброту.

Я вконец измотан. У меня нет сил на правду, не осталось места в душе на нее.

– В любом случае еще раз спасибо. – Я распахиваю дверь.

Джесмин достала телефон.

– Подожди. У меня нет твоего номера. Учеба начнется через пару недель, и мне нужно завести как можно больше друзей. – Это звучит так, будто на нее вдруг снизошла божья благодать.

– О, да. Но я там мало кого знаю близко.

Мы обмениваемся номерами. Возможно, эта церемония была мне необходима. Такой крохотный луч надежды.

До меня вдруг доходит, каким одиноким будет этот учебный год. Соусная Команда была слишком сплоченной. Мы были единой вселенной. Теперь никому и в голову не придет

позвонить мне в субботу вечером. Но главная моя проблема – это Адейр. Она всегда имела невероятное общественное влияние в Академии искусств, гораздо более могущественное влияние, чем Эли. И тем более чем я. И если она не перестанет меня ненавидеть, многие последуют ее примеру, лишь бы остаться с ней в хороших отношениях.

– Что ж, – говорит Джесмин, – по крайней мере мы закончили с похоронами.

– Это точно.

– Увидимся позже?

– Да. Позже.

Теперь настает самое трудное. Не потеряться в полчищах сюжетов, созданных для нашего горя. Когда останемся наедине с собой.

Но для меня день еще не окончен. Нана Бетси пригласила меня к себе домой, где она устраивает скромный совместный ужин, чтобы сытыми отправить домой родственников из Восточного Теннесси.

Я прищуриваюсь от ослепительного света, разыскивая ключи, и думаю, какой сегодня на редкость солнечный день.

Кружащемуся миру и жаркому солнцу наплевать, стоим мы или движемся. Ничего личного.

* * *

– Привет, Лиза, – обращаюсь я к одной из девушек из хора

Художественной академии Нэшвилла, которая идет по парковке к своей машине.

– О, привет. – Она внезапно переключает внимание на свой телефон. Она одна из тех, с кем Адейр разговаривала перед началом поминальной службы. Насколько мне известно, раньше она никогда не относилась ко мне плохо. *Да уж. Этот учебный год будет незабываемым.*

Я уже собираюсь сесть в машину, как вдруг замечаю молчаливого мужчину с бородкой. На нем штаны цвета хаки, рубашка с закатанными до локтя рукавами, на шее – ослабленный узкий галстук. Мужчина приближается ко мне.

– Прошу прощения. Извините, подождите, пожалуйста, – кричит он, махнув мне рукой. – Это вы Карвер Бриггс?

Наконец-то кто-то пожелал со мной поговорить.

– Да.

У парня в руках ручка и блокнот, а в кармане рубашки что-то похожее на диктофон.

Он протягивает мне руку.

– Даррен Кофлин из газеты «Теннессиец». Я с самого начала освещал это происшествие.

Я неохотно жму ему руку.

Так это ты в ответе за статью, напечатанную пару дней назад и сообщающую всему миру, что этот несчастный случай напрямую связан с смс, после которой все стали показывать на меня пальцами.

– Послушай, мне правда жаль, что так произошло. Я

вплотную занимаюсь этой историей, и судья Эдвардс направил меня к тебе. Он сказал, что у тебя наверняка найдется для меня информация. Они были твоими друзьями?

Я потираю лоб. Сейчас я уж точно меньше всего на свете хочу с ним разговаривать.

– Не могли бы мы поговорить в другой раз? Я не расположен к беседе.

– Я все понимаю и не хочу на тебя давить, но у новостей нет перерыва на чье-то горе, понимаешь? Я бы хотел услышать твою версию, прежде чем статья отправится в печать.

Мою версию. Я втягиваю в себя воздух.

– Хм, да. Лучшими друзьями.

Он качает головой.

– Мне очень жаль, приятель. У тебя есть предположение, что могло стать причиной аварии?

– Я думал, вы и так уже все знаете.

– Что ж, похоже, причина в телефонной переписке, но ты знаешь, кому Тергуд...

– Марс.

– Прости?

– Мы звали его Марс.

– Ладно, ты знаешь, с кем Марс переписывался?

У меня внутри все сжимается от этого вопроса с подвохом. Я весь холодею. *Да вообще-то это я.*

– Я... я точно не уверен. Возможно, со мной.

Даррен кивает, записывая что-то в своем блокноте.

– И ты переписывался с ним приблизительно в то самое время, когда произошла авария?

Возможно, он старается скрыть свое безразличие и бестактность, но у него плохо получается, и это заставляет меня нервничать.

– Я... возможно... – Мой голос становится едва слышным.

– Ты что-нибудь знаешь о расследовании по этому делу? Я вздрагиваю, словно жужжащая оса только что приземлилась на мою шею.

– Нет. А что?

Он беспечно качает головой.

– Просто любопытно.

– А вы что-нибудь слышали?

– Нет, просто я удивился бы, если бы не было расследования. Трое подростков, переписка, ну, ты понимаешь...

– И мне стоит беспокоиться?

Продолжая писать, Даррен пожимает плечами.

– Вероятно, нет.

– Двое копов допрашивали меня сразу после аварии, и я сказал им, что в тот день мы переписывались с Марсом. Но они не стали арестовывать меня или вроде того.

– Да, я знаю. – Даррен щелкнул ручкой.

– А может, вы не станете писать о том, что мы переписывались с Марсом? – Я прекрасно понимаю бесполезность этой просьбы и то, как ужасно я выгляжу, но иногда я реаль-

но туплю.

Он смотрит куда-то поверх моей головы.

– Приятель, я не могу...

В ожидании ответа я начинаю грызть ноготь. Но журналист так и не заканчивает фразу и снова берется за блокнот.

– Итак, во сколько ты...

Внезапно меня осеняет, что этот разговор не принесет мне ничего, кроме вреда.

– Мне надо идти. Мне...

– Еще только пару вопросов.

– Нет, простите, я должен ехать в дом Блейка. Его бабушка хотела, чтобы я приехал. – Я сажусь в машину и закрываю дверцу. Приходится опустить стекло, чтобы не задохнуться в ужасной духоте салона.

Даррен облакачивается на проем окна.

– Послушай, Карвер, мне жаль, что приходится делать это именно сейчас. Правда. Но это новости. И новости не ждут, пока люди перестанут горевать. Так что либо ты рассказываешь мне свою версию, либо прочтешь ее в газете. Иначе никак.

– Я не читаю газет. – Я включаю зажигание.

Он выуживает визитку из кармана рубашки и сует ее мне в окно.

– Как бы там ни было, приятель, вот моя визитка. Дай знать, если вспомнишь что-нибудь или если полиция начнет задавать вопросы.

Я швыряю визитку на пассажирское сидение.

– Можешь дать мне свой номер? – спрашивает Даррен.

– Я опаздываю. – Я поднимаю стекло. Даррен смотрит на меня, и в его взгляде я читаю что-то вроде «парень, ты сильно ошибаешься», хотя я и без него об этом прекрасно знаю.

Кислая отрыжка опалает мое горло, когда я еду с парковки к дому Блейка.

* * *

Блейк Ллойд определенно единственный студент в истории Художественной академии Нэшвилла, снискавший признание благодаря тому, что не стеснялся громко портить воздух на публике. Нет, конечно, не *только* этим, но это качество было самой популярной частью его творчества.

Блейк стал чем-то вроде знаменитости на YouTube. Он снимал комедийные видео – пародии, наблюдения, имитации и прочее. Он специально подчеркивал свой акцент, однако больше привлекал внимание именно своей готовностью публично выставить себя на посмешище. Он отправлялся в магазин и устраивал демонстрацию коробок с кашами, во время которой с него сваливались штаны (но он всегда ликвидировал учиненный им беспорядок). Он наступал босыми ногами на собачье дерьмо. Он являлся в «Грин Хилл Молл», самый шикарный торговый комплекс в Нэшвилле, без рубашки (и *не* выглядел неестественно).

И, конечно, пуканье на публике. В кинотеатрах. Во время долгой паузы. *Пуупп*. Затем пауза. Затем еще один звук. На этот раз дольше. *Прииииип*. При этом он всегда сохранял невозмутимость. В одном из своих самых популярных видео он надрывает задницу в библиотеке и продолжает это делать даже в тот момент, когда библиотекарь взывает: «Просту вас!».

Однако за несколько месяцев до аварии он поднял планку и принялся пукать на публике во время разговора. Предположим, разговаривает он с чопорной сотрудницей магазина «Сделай сам», изображая безупречного юного джентльмена, и вдруг прямо посреди разговора выдает громкую трель. Ле-ди старается вести себя вежливо, потому что все мы иногда совершаем ошибки, но не может сдержать непроизвольной гримасы. Однако затем он издает новую трель, звучащую как пороссячий визг. *Брррррп*. И тогда служащая понимает, что это вовсе не ошибка.

– Вам надо в туалет? – холодно спрашивает она.

– Мэм? – отвечает Блейк.

Теперь это никак не тянет на портфолио, которое поможет поступить в престижный колледж искусств (пожалуйста, обратите внимание: если вы быстро произносите слова «престижный художественный колледж», это звучит как «приходите в школу пердежа»). Но Блейк был умен. Он изучал комедию. Он слушал, что люди говорят об этом, и разбирал информацию на части, анализируя ее в подкастах и в эссе.

Он хорошо знал свое дело и серьезно подходил к нему. Он знал, как подать это в интеллектуальном свете и оформить таким образом, чтобы сделать привлекательным для приемной комиссии. Так что он не был скучающим юнцом, пукающим на публике, чтобы потом для смеха выложить свое видео в Интернет. Он был *истинным актером, откровенно попирающим социальные стереотипы, и активно противостоял этим устоям в общественных местах с помощью физиологических функций своего тела*. Он бросал вызов окружающим, вынуждая их подвергать сомнению искусственные преграды, которые мы выстраиваем между собой и своим организмом. Он не оправдывал ожиданий. Он жертвовал собой, ставя на кон все. *Он творил искусство*.

Кроме того, давайте признаемся, что пуки всегда смешат. Даже членов приемной комиссии.

Я подъехал к дому Наны Бетси и вошел внутрь. Около входа стоит включенный ноутбук, и на экране мелькают кадры из видео Блейка. Так что посреди мрачного гула голосов из колонок ноутбука время от времени слышатся громкие трели кишечных газов, вслед за которыми раздаются смешки в небольших группах людей, поочередно собирающихся около ноутбука.

Фотография Блейка, стоявшая на крышке гроба, перекочевала на журнальный столик. В доме тепло, как бывает, когда в замкнутом пространстве собирается множество людей. Пахнет едой, лосьоном после бритья и духами, которые лю-

ди обычно получают в подарок от внуков.

Я на мгновение останавливаюсь посреди гостиной, не зная, что делать дальше. Никто не обращает на меня внимания. На меня вдруг накатывает такая мощная волна вины, что я ощущаю, как ноги начинают мелко дрожать. *Ты наполнил этот дом скорбью. Эта беда случилась из-за тебя.* Возникает чувство, будто все взгляды прикованы ко мне, хотя никому нет до меня дела.

Я замечаю Нану Бетси в кухне – она разговаривает со своими братьями. Наши взгляды встречаются, и она жестом приглашает меня войти. Я вхожу, и Нана Бетси, не прерывая разговора, указывает мне на примыкающую к кухне столовую, где на столе громоздятся дымящиеся мультиварки, кастрюли и одноразовые алюминиевые сковородки. Холодный жареный цыпленок из магазина. Помятая кастрюля, доверху набитая солеными галетами «Риц». Листья репы с ломтями окорока. Маленькие копченые сосиски, плавающие в соусе барбекю. Макароны с сыром с запеченной золотистой корочкой.

Странно, что это самое большое, на что мы способны. У нас даже нет особых ритуальных макарон с сыром, чтобы отметить чей-то уход из этого мира. У нас лишь обычная еда, которой мама кормит тебя каждый день, когда не умирает кто-то из любимых людей.

Я кое-как накладываю еду на бумажную тарелку, беру чистую пластиковую вилку и красный пластиковый стаканчик

со сладким чаем и нахожу свободный уголок в гостиной. Кушетка и большинство стульев уже заняты, поэтому я устраиваюсь на пуфе и принимаюсь за еду, стараясь сделаться невидимым, а стаканчик с чаем осторожно ставлю на ковер. В горле у меня пересохло, и я с трудом проглатываю каждый кусок. Хотя я ужасно голоден, мое тело дает понять, что я этого не заслуживаю. Кроме того, в голове постоянно прокручивается разговор с Дарреном и от этого становится только хуже.

Люди натыкаются друг на друга в тесноте помещения, словно рыбы в аквариуме. На мужчинах помятые, плохо сидящие спортивные куртки и неаккуратно повязанные галстуки. Они выглядят неуклюже, словно бигли в свитерах.

Я заканчиваю есть и уже собираюсь встать, когда в комнату, прихрамывая, входит Нана Бетси. Какая-то женщина поднимается ей навстречу из кресла-качалки, они с Наной Бетси долго и горячо обнимаются и целуют друг друга в щеку. Нана Бетси прощается с ней, наказывая взять тарелку с едой в дорогу, а затем подтягивает кресло-качалку ко мне и садится в него с тихим стоном. Она выглядит совершенно измотанной. Обычно ее глаза искрятся весельем, но не сегодня.

– Как дела, Блэйд?

Кроме членов Соусной Команды, Нана Бетси была единственным человеком, кто звал меня Блэйдом. Это прозвище ужасно ее смешило.

– Бывало и получше.

– Понимаю, – отвечает она.

– У Блейка были красивые похороны. – В моих словах нет ни тени убежденности. Я даже себя не обманываю. Красивые похороны лучшего друга – это все равно что выпить вкусного яда или попасться в когти величественного тигра.

Но Нана Бетси видит меня насквозь.

– О, какая чепуха, – ласково отвечает она. – Они были бы красивыми, если бы Блейк еще раз заставил всех посмеяться. Если бы на них была его мама.

Я не хотел об этом спрашивать. Нана Бетси произносит эти слова с такой тоской, словно хочет снять груз с души, но ей надо, чтобы кто-нибудь ее об этом спросил.

– Вы знаете, где она?

Она смахивает слезы. И складывает руки на коленях, как перед молитвой.

– Нет, – голос ее звучит мягко. – Обычно мы общаемся с Митци не чаще раза в пару лет. Когда очередной тип бросает ее одну без средств к существованию и ей нужны деньги на ее пагубную привычку. Она звонит из какого-нибудь мотеля в Лас-Вегасе или Финиксе с одноразового сотового телефона. У меня нет ее номера. Нет адреса. Я никак не могу с ней связаться. Думаю, мне придется нанять кого-нибудь, чтобы отыскать ее и сообщить, что Блейка больше нет.

– Черт... – *И что еще можно на это сказать?*

– Думаю, что это ее убьет, хотя она никогда не была ему

хорошей матерью.

Повисает тяжелая пауза. В это мгновение из ноутбука звучит спасительное пуканье. Нана Бетси смеется сквозь слезы.

– Я так по нему скучаю. Не представляю, как без него жить. Я даже не знаю, как теперь стану полоть помидоры со своими больными коленями. Блейк всегда делал это вместо меня. – Она достает носовой платок и вытирает глаза. – Я любила его как собственного сына.

Проходит несколько секунд, прежде чем мне удастся заговорить. Я с трудом подавляю рыдания, рвущиеся из моего горла.

– Не думаю, что когда-нибудь снова смогу смеяться.

Нана Бетси наклоняется ко мне и обнимает. Она пахнет сухими розами и теплым полиэстером. Мне кажется, что она абсолютно мягкая. Мы обнимаемся и на пару секунд замираем, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

– Пойду к другим гостям, – наконец говорит Нана Бетси. – Ты хороший друг. Пожалуйста, не забывай меня.

– Не забуду. О, родители хотели, чтобы я передал их сожаления, что не смогли приехать. Они пытались вылететь домой из Италии, но не успели вовремя.

– Передай, что я все понимаю. Пока, Блэйд.

– Пока, Нана Бетси.

Прежде чем уйти, я в последний раз оглядываюсь вокруг. Вспоминаю, как мы с Блейком сидели в этой гостиной, обсуждая его следующее видео. Играли в компьютерные игры.

Смотрели фильмы или комедийные шоу.

Я размышляю о том, что наши слова и действия подобны камешкам, бросаемым в пруд: они порождают круги, которые расходятся все дальше и дальше от центра, пока не обрываются около берега или не исчезают.

Я думаю – а что если где-то во вселенной запечатлелся круг, в котором мы с Блейком сидим в этой гостиной, смеемся и дурачимся? Возможно, он оборвется на каком-нибудь берегу где-то в бескрайнем пространстве. И, возможно, исчезнет.

А может, продолжит странствовать вечно.

Глава 5

Когда я возвращаюсь домой, Джорджия встречает меня на пороге и обнимает так крепко, что я едва не задыхаюсь.

– И как прошел твой день на рудниках ароматических свечей? – Я без тени веселья озвучиваю одну из наших обычных шуток, нерешительно пытаюсь вести себя как ни в чем не бывало.

И чувствую ее полуулыбку на своей щеке.

– Если притворюсь, что это все еще остроумно, это тебя подбодрит?

– Возможно.

Она отодвигается назад и берет меня за руки.

– Эй... Ты держишься?

– Давай определимся, что значит «держишься». Я жив. Мое сердце бьется.

– Время – единственный лекарь. Время.

Сестра немногим старше меня, но иногда она кажется гораздо мудрее девушек ее лет.

– Тогда я хочу лечь спать и проснуться лет через десять.

Мы пристально смотрим друг на друга. Мои глаза полны слез, и на этот раз дело не в тоске и не в усталости. Дело в доброте Джорджии. Я превращаюсь в сущего младенца перед лицом истинной доброты. У меня перехватывает дыхание, когда смотрю на YouTube видео, где кто-то безвозмезд-

но отдает свою почку незнакомцу или спасает умирающую от голода бродячую собаку, или что-то еще в этом духе.

– Я знаю, ты скучаешь по ним, – сказала Джорджия. – Я тоже буду по ним скучать. Даже по Эли, который постоянно пытался заглянуть мне в вырез блузки.

– Однажды Марс нарисовал тебя в бикини и подарил рисунок Эли.

Она закатывает глаза.

– Ты хотя бы защитил мою честь?

– Конечно. Но рисунок и вправду был отличный. Марс был классным.

Я всхлипываю, а Джорджия с сочувствием смотрит на меня и снова обнимает.

– У меня осталось немного лазаньи.

– Я поел у Блейка.

– Пока ты был на похоронах, звонили мама с папой. Они хотели поговорить с тобой. Позвони им.

– Ладно. – Я немного медлю, а потом выпаливаю: – Знаешь... после похорон ко мне прицепился репортер.

У Джорджии вытягивается лицо.

– *Что? Репортер* хотел поговорить с тобой после похорон твоего лучшего друга? Ты издеваешься? Какого черта?

– Да. И он был очень настойчив. Типа, – я имитирую голос Даррена, – «что ж, Карвер, я собираюсь написать об этом, а у новостей не бывает перерыва на горе, так что если ты хочешь рассказать мне свою версию, тем лучше для тебя».

Она отступает на шаг назад, скрещивает руки на груди и в бешенстве кривит губы.

– И как зовут этого кретина?

Мне хорошо знакомо это выражение ее лица. Оно появлялось у нее каждый раз, когда я в младших классах рассказывал, что дети дразнят меня, и она отправлялась на «разборки».

– Пожалуйста, не надо. Не сомневаюсь, будет только хуже.

– Для него.

(И она права.)

– Для меня.

Мы зашли в тупик. Она вдруг начинает принюхиваться.

– Кстати о новостях – от тебя воняет.

– Я весь день был в костюме, а сегодня жуткая жарница.

Но это неважно.

– Прими душ. Сразу почувствуешь себя лучше.

– Я совсем отчаялся и, судя по всему, воняю, как дерьмо.

И как я смогу почувствовать себя лучше?

* * *

Джорджия оказалась права. Мне становится гораздо лучше, когда я выхожу из душа, насухо вытираюсь и голым плюхаюсь на кровать. Некоторое время я просто смотрю в потолок. Когда мне это надоедает, я надеваю штаны цвета хаки и рубашку с закатанными рукавами.

Я раздвигаю шторы, и комната тут же наполняется длинными тенями персиковых сумерек. Сажусь за стол и открываю ноутбук. На светящемся экране – текст рассказа, над которым я работал. Однако надежда погрузиться в работу и забыть обо всем стремительно тает.

Я живу в местечке под названием Уэст-Мид. У моей улицы есть особенность – по высокой насыпи прямо позади нее бегут рельсы железной дороги. Поезда проходят здесь почти каждый час. Издалека до меня доносится гудок паровоза. Я смотрю, как лучи заходящего солнца пробиваются яркими сполохами между вагонами, которые проносятся за домами 1960-х годов прямо через улицу от меня. Беру телефон, чтобы позвонить родителям, и тут же кладу его на место. Не могу. Я просто не в состоянии разговаривать с кем бы то ни было.

Внезапно у меня возникает чувство, словно меня засасывает водоворот отчаянной, бездонной тоски. И это совсем не похоже на желание поскорее сдохнуть, лишь бы закончились занятия в школе. Это то состояние, когда ты осознаешь, что твои трое лучших друзей сейчас переживают опыт загробной жизни или забвения, а ты сидишь и смотришь на проносящийся мимо поезд, а экран твоего ноутбука постепенно меркнет и отключается.

Меркнет и отключается. Именно это и произошло с моими друзьями. И сейчас я не представляю, где они. Не представляю, что случилось с их разумом, опытом, их жизненными

историями.

Я не отношусь к рьяным верующим. Моя семья посещает церковь Сент-Генри от силы четыре-пять раз в году. Отец говорит, что верит в Бога достаточно, чтобы заставить себя страдать из-за этого, но не настолько сильно, чтобы заставить страдать кого-то еще. Моя вера никогда не подвергалась такому испытанию. Мне не приходилось задумываться, верю ли я *искренне*, что мои друзья сейчас рядом с великодушным и любящим Богом. А что если нет никакого Бога? Где же тогда они? Что если каждый из них заперт в каком-нибудь огромном мраморном зале с пустыми стенами и они останутся там навечно, и им нечего будет видеть, слышать и читать, и не с кем будет поговорить?

Что если существует ад – место вечных страданий и наказания? Что если они оказались там? Горят. И кричат в ужасных муках.

Что если я отправлюсь туда после смерти за то, что убил своих друзей? Что если Нана Бетси не сможет меня простить и оправдать?

У меня возникает такое ощущение, словно я наблюдаю, как что-то тяжелое и хрупкое медленно соскальзывает с высокой полки. В моей голове кружится водоворот загадок. Вечности. Жизни. Смерти. И я ничего не могу с этим поделать. Это все равно как не отрываясь смотреть в зеркало или много раз подряд произнести свое имя и полностью потерять ощущение собственного «я». Я даже начинаю сомневаться,

жив ли я до сих пор, существую ли я. Возможно, я тоже был в той машине.

Свет в комнате меркнет.

Я весь дрожу.

Проваливаюсь под лед в холодную черную воду.

Задыхаюсь.

Мое сердце сжимается.

Это неправильно. Мне плохо.

Поле зрения сужается, словно я смотрю наружу из глубокой пещеры. Перед глазами мельтешат пятна. Стены сдавливают меня.

Я пытаюсь глубоко вдохнуть. Мне нужен воздух. *Мое сердце.*

Серый безжизненный ужас обволакивает меня, словно облако пепла, закрывшее солнце. Полное отсутствие света и тепла. Осязаемая, четко ощущаемая неизвестность. И внезапно, как откровение, мелькает мысль: *Я больше никогда не буду счастлив.*

Воздух. Мне нужен воздух. Мне нужен воздух. Мне нужен...

Я пытаюсь встать. Комната начинает стремительно вращаться. Я словно иду по густому желатину. Снова пробую встать. Теряю равновесие и падаю назад, опрокинув стул и с грохотом приземлившись на паркетный пол.

Это один из тех ночных кошмаров, когда невозможно убежать или закричать. И это происходит со мной в угасающем

свете дня смерти. *И Я ТОЖЕ УМИРАЮ.*

– Джорджия... – хриплю я. *ВОЗДУХ. МНЕ НУЖЕН ВОЗДУХ.* Кровь пульсирует у меня в висках.

Я пытаюсь ползти к двери. Встать не могу.

– Джорджия, помоги мне... Помоги мне...

Слышно, как Джорджия открывает дверь.

– Карвер, какого черта? Тебе плохо? – Ее голос доносится до меня словно из глубокого колодца. Слышу, как шлепают по полу ее босые ноги, когда она бросается ко мне.

Она обхватывает ладонями мое лицо. Я задыхаюсь.

– Что-то не так. Со мной что-то не так.

– Успокойся, успокойся. Дыши. Я хочу, чтобы ты дышал.

У тебя что-нибудь болит? Ты что-то сделал с собой?

– Нет. Это само произошло. Я не могу дышать.

– Ты что-нибудь принимал? Наркотики?

– Нет.

Она встает и стискивает голову ладонями.

– Черт. Черт. Черт! Что же делать? – говорит она, обращаясь больше к себе, чем ко мне. Затем снова опускается на колени рядом со мной и закидывает мою руку себе на плечо. – Держись. Мы едем в скорую помощь.

– Девять-один-один.

– Нет. Мы окажемся там быстрее, если я сама отвезу тебя. Давай, вставай.

Скрипя зубами, она помогает мне подняться на колени. В глазах у меня все двоится.

– Хорошо, Карвер, мне надо, чтобы ты попытался встать, а я тебя поддержу. Ты слишком тяжелый, и я не смогу сама поднять тебя.

Я с трудом встаю, качаясь, как пьяный. Затем принимаюсь медленно переставлять ноги, пока мы наконец не выбираемся наружу. Джорджия усаживает меня на пассажирское сиденье своей «камри» и бежит в дом, чтобы взять телефон, бумажник, свои сандалии и туфли для меня. Меня тошнит. Я закрываю глаза и пытаюсь дышать, чтобы справиться с накатывающими волнами дурноты.

Дождаясь Джорджию, я вдруг думаю: что если Бог хочет пополучить в свою коллекцию последнего члена Соусной Команды? Кажется, умереть сейчас было бы не так уж и плохо. Это решило бы многие проблемы, которые я предчувствую в недалеком будущем.

* * *

Когда мы приезжаем в отделение скорой помощи при Западной больнице Сент-Томас, что в десяти минутах езды от нашего дома (Джорджия превысила скоростной лимит в двадцать пять миль в час), мне дышится легче, да и тошнота ослабела. Мое зрение немного прояснилось, сердцебиение успокоилось, и в целом я уже не так уверен в своей скорой смерти, что вызывает у меня странное чувство разочарования.

Я в состоянии самостоятельно войти в здание больницы. Пока заполняю бумаги, Джорджия достает телефон и принимается пролистывать список контактов.

Я перестаю ставить галочки.

– Ты собираешься звонить маме и папе?

– Конечно.

– Не надо.

– Карвер...

– Что? Не надо их волновать. Кроме того, в Италии сейчас, вероятно, глубокая ночь.

– Я *знаю*, ты ведь не дурак.

– Я серьезно. Давай... расскажем все, когда они вернутся.

– Послушай. Мы сидим в отделении скорой помощи после того, как с тобой произошло что-то *очень* странное. Я звоню родителям. И точка.

– Джорджия!

– Это не обсуждается. Не знаю, будет ли законным мое согласие на лечение, но, к счастью, в отделении скорой помощи им, похоже, нет дела до согласия родителей.

Джорджия учится на втором курсе факультета биологии в университете Теннесси и планирует поступать в медицинский институт. Очевидно, ей в какой-то степени даже нравится все происходящее.

– Не отвечают... – бормочет Джорджия. – Привет, мам, это Джорджия. Мы с Карвером в отделении скорой помощи Сент-Томас. У него было что-то вроде... приступа. Теперь с

ним все в порядке. Перезвони мне.

Я горблюсь на стуле, глядя прямо перед собой.

Джорджия заглядывает мне в глаза.

– Почему тебе так сложно быть откровенным с мамой и папой, когда у тебя проблемы?

– Не знаю. Мне стыдно.

– Они хотят быть частью твоей жизни. Многие дети дорого бы отдали за то, чтобы иметь таких родителей, как у нас.

– Мы можем не говорить сейчас об этом? Я паршиво себя чувствую. – Она права, но я не в состоянии справиться с новым ощущением вины.

– Что ж, возможно, нам придется подождать.

– Давай найдем другую тему для разговора.

– Я просто хотела сказать, что когда у нас проблемы, мы нуждаемся в тех, кто нас любит.

– Понятно.

– *Понятно*, – передразнивает меня Джорджия.

Мне уже гораздо лучше, похоже, шансы на неминуемую смерть или заточение в каком-нибудь ужасном аду стремительно уменьшились. Остается лишь огромная усталость вперемешку со смутным беспокойством. Предполагаю, что сейчас это вполне нормально. И я слишком обессилен, чтобы испытывать беспокойство, что тоже дает облегчение.

Через несколько минут появляется медсестра, чтобы спросить меня о симптомах и измерить давление. Мне делают ЭКГ. Вскоре к нам выходит врач. Она прямо-таки сияет

обнадеживающей уверенностью, словно всем своим видом пытается сказать, мол, давай, попробуй поразить меня, хотя и выглядит чуть старше Джорджии. Я с трудом могу представить, что через пару лет Джорджия станет носить медицинский халат и лечить людей. Скорее всего, она будет вызывать у всех своих пациентов чувство вины.

– Привет, Карвер. Я – доктор Стефани Крейг. Рада познакомиться. Мне жаль, что ты плохо себя чувствуешь. Расскажи, что с тобой.

Я рассказываю, что случилось. Доктор Крейг кивает, слушая меня.

– Ты все очень подробно описал. – Она щелкает ручкой, просматривая мою карту. – В последнее время ты не испытывал сильного стресса?

– Вы имеете в виду, кроме того, что у меня трое лучших друзей погибли в аварии на прошлой неделе?

Она перестает щелкать ручкой и замирает, ее напускная уверенность мгновенно исчезает.

– О боже. Несчастный случай из-за смс? Я читала об этом в «Теннессийце». Мне очень жаль. Я просто не могу себе представить.

– Я был на похоронах пару часов назад.

Она вздрагивает и вздыхает.

– Что ж. Судя по времени приступа, симптомам и по результатам ЭКГ, это классическая паническая атака. Когда я училась в мединституте, у меня была соседка, у которой слу-

чались такие приступы во время экзаменов. Панические атаки достаточно часты у людей, переживших травматическое событие. Или целых три. Обычно они происходят чуть позже и более неожиданно, но, возможно, твой организм отреагировал иначе.

– Значит...

– Значит, физически ты здоровый семнадцатилетний юноша. Ты от этого не умрешь. Возможно, ты больше ни разу за всю свою жизнь не испытаешь панической атаки. Но ты перенес психологическую травму и очень важно устранить ее последствия. Существуют специальные медицинские препараты, но я предпочитаю, чтобы их назначал врач-психиатр. У вас есть страховка. Я посмотрю, кого можно вам посоветовать. Это моя официальная рекомендация.

– У нас есть врач, – говорит Джорджия.

Я вопросительно смотрю на нее. Она беззвучно произносит: «Позже».

– Отлично, – говорит доктор Крейг, протягивая руку. – Как бы там ни было, тебе уже лучше. Карвер, всего тебе хорошего. И еще раз прими мои соболезнования. Нелегко пережить такое потрясение, особенно в твои годы.

Особенно в мои годы. Готов поспорить, эти слова я буду слышать еще не раз в ближайшем будущем. Я пожимаю ей руку.

– Спасибо.

И она уходит, торопясь к людям, которым действительно

плохо, которые не спятели, как я. Интересно, предпочел бы я наличие физических проблем? Чего-то, что можно исправить с помощью гипса. Зашить. Удалить. Меня делает особенным лишь мой разум. Я не могу позволить себе лишиться рассудка.

Мы подписываем кое-какие бумаги и уходим. В тот момент, когда мы приходим на парковку, у Джорджии звонит телефон. Я слушаю, что она говорит.

– Привет... Нет, он в порядке. Это была паническая атака. Сказали, что они могут случаться во время сильных стрессов... Именно... Да... Нет, не надо. Мы как раз уходим. Поговорим, когда вы вернетесь... Просто... Я знаю... Я знаю... Да, я поговорю с ним. Нет, я сказала, что поговорю с ним. Хорошо. Хорошо. Я люблю тебя. Желаю вам удачно долететь и не волноваться. Увидимся в аэропорту. Ладно. Подожди.

– Это мама?

– Нет, телемаркетер. Клянусь, это один из этих ребят.

– Очень смешно.

Джорджия протягивает мне телефон.

– Держи. Она хочет поговорить с тобой.

У мамы взволнованный голос. Она включает громкую связь, чтобы я мог поговорить и с папой. Я собираю в кулак всю свою волю, чтобы убедить их, что со мной все в порядке, что со мной все будет хорошо. Говорю, что скоро увидимся.

Джорджия отпирает машину, и мы забираемся внутрь. На улице стемнело, но внутри по-прежнему тепло, и это тепло

обволакивает меня, словно одеяло.

Я откидываюсь на сиденье и закрываю глаза, окончательно измотанный необходимостью изображать перед родителями, что со мной все нормально.

– Прости, что тебе пришлось тащиться сюда со мной из-за ерунды.

Джорджия вставляет ключ в замок зажигания и уже начинает его поворачивать, но останавливается.

– Это не ерунда. У тебя была паническая атака. И ты не знал, а вдруг у тебя сердечный приступ или что-то в этом роде.

– Я хочу, чтобы этот день наконец закончился. Я хочу, чтобы эта жизнь закончилась.

– Карвер...

– Я не собираюсь покончить жизнь самоубийством. Успокойся. Я просто хотел бы заснуть и проснуться в восемьдесят лет.

– Нет.

– Я серьезно.

– Мы должны обсудить, что сказала врач. О том, чтобы побеседовать со специалистом. И ты не делишься с мамой и папой. Ты изображаешь перед ними секретного агента.

– Я поделюсь с тобой.

Джорджия заводит машину и сдает назад.

– Не получится. Прежде всего потому, что через пару недель начнется учеба и меня здесь не будет.

– Мы можем поговорить по телефону.

– Во-вторых, я не секу в подобных вещах. Парень, это очень серьезно. Поможет только специалист узкого профиля.

– Ммммм... – Я прислоняюсь головой к окну и смотрю на улицу.

– Помнишь, у меня был сложный период на последнем курсе? После расставания с Остином?

– Ты выглядела очень подавленной.

– Так и было. И у меня были проблемы с едой. Я обратилась к психотерапевту доктору Мендесу, и он очень мне помог.

– Ты никогда об этом не рассказывала.

– Не хотела афишировать.

– А я не хочу, чтобы он сообщил мне, что я спятил.

– Поэтому предпочитаешь *быть* безумным. Послушай, он тебе такого не скажет. Кроме того, ты не будешь настоящим писателем, если ни разу не обратишься к психотерапевту!

– Я подумаю.

– Я всегда готова помочь, Карвер, но тебе необходимо сходить к доктору Мендесу.

– Я же сказал, что подумаю.

И я больше не произношу ни слова по пути домой. Вместо этого я размышляю над хрупкостью человека и над тленностью жизни.

Я хочу снова жить беспечно.

Глава 6

Родители выглядят изнуренными и растрепанными, когда мы с Джорджией приезжаем встретить их в аэропорту. Думаю, их облик вполне сочетается с моим безжизненным лицом и пустыми глазами. Похоже, мышцы лица потеряли способность складываться в улыбку. Но я все равно стараюсь изо всех сил, помогаю родителям погрузить чемоданы в машину, бормоча: «Привет, мама и папа». Отец хватает меня за руку и притягивает к себе. Он так сильно вцепился в мою руку, что это могло бы показаться грубостью, если бы я не знал, в чем дело. Он обнимает меня так, будто меня вытащили из-под завала в шахте.

– Если бы мы потеряли тебя... Если мы когда-нибудь потеряем тебя... – шепчет он хриплым, сдавленным от слез голосом.

Мама тем временем обнимает меня сзади, и мы превращаемся в живой плачущий сэндвич. Они оба плачут. Я чувствую их теплые слезы на своем лице, на шее. И если уж честно, моих слез тоже достаточно.

– Я скучал по вам, – говорю я.

Мы обнимаемся так до тех пор, пока полицейская машина не останавливается прямо за нашей машиной и полицейские в мегафон не велят нам отъехать.

Я устраиваюсь между мамой и папой на заднем сиденье, и

Джорджия везет нас домой. Мы почти не разговариваем по дороге, не считая вопроса мамы, как у меня дела, и моего ответа, что не очень. Вместо слов мама опускает мою голову себе на плечо и поглаживает меня по волосам.

* * *

Вы где, ребята? Ответьте.

Я просыпаюсь, изо всех сил хватая воздух ртом, сердце едва не выпрыгивает из груди. Простыни промокли от пота, кожа на лице стянута от высохших соленых слез. Я и раньше часто плакал во сне, возможно, таким образом расслабляясь, потому что такой безумный плач был бы невозможен наяву. Я просыпался, чувствуя, что мои глаза подобны лужам после полуночной грозы. Но тогда я плакал просто так, а не о чем-то особенном.

Думаю, чувство вины не спит. Оно бесконечно насыщает себя.

Глава 7

Я сижу за столом, глядя на пустой лист открытого документа на экране своего ноутбука. Я должен был работать над экзаменационным сочинением, но откладывал все лето и взялся за него только через неделю после похорон последнего из троих моих лучших друзей. Возможно, это не слишком удачная идея.

Хотел бы я сегодня находиться на работе. Я был занят неполный день, расставляя на полках книги в большом магазине Мак-Кея, где продаются подержанные книги, CD, DVD, кассеты, видеоигры и прочее добро, рядом с моим домом. Я работал здесь в летние каникулы последние несколько лет, но обычно прекращал работу за пару недель до начала учебы. Сожалею, что сделал так и в этом году.

И дело не в том, что мне так уж нравится расставлять по полкам книги, скорее, приятно находиться среди них. Я нуждаюсь в этом занятии, позволяющем ни с кем не общаться. Мне необходимо бездумное повторение действий. Необходим запах ванили и сухих табачных листьев, пропитавший воздух в магазине. Хотя все это напоминает об аварии. Именно здесь я находился, когда это произошло. Поэтому меня и не оказалось в машине.

Я начинаю писать смс Джесмин. Последнюю неделю мы время от времени переписывались. Скорее всего, она не от-

ветит. Она говорила, что преподает игру на фортепиано и будет занята весь день. Я бы с удовольствием как-нибудь послушал ее игру.

Голос мамы прерывает меня на середине текста смс.

– Карвер, – зовет она. – Скорее иди сюда. По телевизору показывают судью Эдвардса.

Адреналиновый спазм сжимает мою грудь. У меня скручивает живот. *Это не сулит ничего хорошего.* Я подпрыгиваю, ударившись коленом, и вбегаю в гостиную, чувствуя, как подгибаются ноги. Мама, папа и Джорджия сгрудились около телевизора.

Судья Эдвардс выглядит строго, на нем дорогой серый костюм в тонкую светлую полоску, который идеально сидит на нем, и кроваво-красный галстук. Он говорит в микрофон:

– ...И таким образом, чтобы донести до общества и молодых людей, как опасно переписываться с друзьями во время вождения, я обращусь к окружному прокурору и потребую начать расследование по этому делу и предъявить уголовное обвинение.

– Вы лично беседовали с окружным прокурором? – спрашивает журналистка.

– Нет. Я не считаю это уместным. И не хочу, чтобы мои действия были расценены как попытка вмешаться в компетенцию окружного прокурора. Не сомневаюсь, что она правильно использует свои полномочия и правосудие восторжествует.

Я, если честно, едва не наложил от страха в штаны. Мама зажимает ладонями рот. На лице отца застывает каменное выражение. Он скрещивает руки на груди и проводит ладонью по лицу. Джорджия впилась в экран с таким видом, словно желает, чтобы из ее глаз на экран брызнули струи серной кислоты, превратив судью Эдвардса в дымящуюся липкую массу.

– Если окружной прокурор откажется выносить обвинение или даже если она его вынесет, станете ли вы подавать гражданский иск против четвертого подростка, который имеет прямое отношение к этой трагедии?

– Мы... гм... ничего не исключаем, так что это вполне возможно. Но нашей первоочередной задачей всегда были и будут безопасность и благополучие нашей молодежи. – Он уверенно кивает. *Вот и все, ребята. Здесь больше нечего смотреть.*

– Благодарю вас, судья Эдвардс. Фил, слово тебе.

– Спасибо, Элейна. Трагический инцидент и убитый горем отец... Должностные лица центрального округа Дейвидсон приняли решение *не* утверждать...

Я беру пульт и отключаю звук, а затем тяжело опускаюсь на диван и обхватываю голову ладонями.

– О боже. О боже, – бормочу я безостановочно. Все молчат. Я слышу, как шумно дышит Джорджия, и это не предвещает ничего хорошего.

Она тычет пальцем в экран телевизора, и голос дрожит от

ярости.

– Ладно. И *что?* Все это *полнейшая собачья чушь*. – Ее голос звонким эхом отражается от стен в тишине, повисшей в комнате.

– Джорджия... – мягко успокаивает мама.

Глаза Джорджии сверкают. Сейчас она похожа на львицу в майке на бретелях и в трико для йоги.

– Нет. Никаких *Джорджий*. Все это *полнейшая чушь*. Разве он этого не понимает? Разве до него не доходит, что все это произошло по вине его тупого сына? И он хочет отправить *Карвера* за решетку?! Нет уж, простите. Нет. – Она мотает головой так, что при одном взгляде на нее у мануального терапевта в глазах появились бы карикатурные доллары.

Мы все потрясенно молчим.

Джорджия пристально смотрит на нас. Она по очереди заглядывает нам в глаза. Ищет в нас силу духа. Желание бороться.

– Карвер, дай мне свой телефон. Я прямо сейчас позвоню этой досточтимой заднице, его чести, и скажу, чтобы он катился ко всем чертям.

– Джорджия... – произносит папа.

Она протягивает руку и щелкает пальцами.

– Ну же, давай его сюда. – Сестра вот-вот разрыдается.

– Но у меня нет его номера, – мягко отвечаю я, потрясенный ее реакцией. – Только номер Марса. – А затем добавляю шепотом: – Разумеется, у меня есть номер Марса.

– Джорджия, успокойся, – урезонивает ее папа. – Он ведь *судья*. Если ты позвонишь ему и обругаешь, тебя отправят за решетку.

– И что? – восклицает сестра. – Что нам теперь делать?

Папа глубоко вздыхает и потирает глаза. Его ладонь заметно дрожит.

– Не знаю. Я не знаю. – Он смотрит на маму. – Лила, позвони своему брату и узнай, есть ли у него на примете хороший адвокат по уголовным делам.

Слова «хороший адвокат по уголовным делам» – словно четыре удара коленом ниже пояса, следующих один за другим.

Мама отправляется в спальню за своим телефоном, но я все-таки успеваю заметить, как из ее глаз покатались слезы, рисуя на щеках блестящие дорожки.

– Через три дня начинаются занятия, – бормочу я. В этот момент я ошеломлен не меньше, чем когда услышал про аварию. Моя душа словно вылетела из тела и наблюдает со стороны, как мне сообщают эту новость. Я стараюсь глубоко дышать. *Пожалуйста, только не надо больше панических атак. Только не здесь. И не сейчас.* Я слышу, как мама в спальне разговаривает со своим братом Вансом, юрисконсультантом из Мемфиса. Она пытается сделать вид, что ничего особенного не происходит, но ей это явно не удастся.

Джорджия сидит рядом со мной. Я вижу, что она осознанно старается вести себя спокойно и утешить меня. Она при-

нимается массировать мне спину.

– Карвер, ты только не волнуйся. Мы с тобой.

Папа обнимает меня. От него пахнет стиральным порошком и черным перцем.

– Послушай, приятель. Мы... с тобой все будет хорошо, понял? Если придется, мы найдем лучшего адвоката в Теннесси.

– А я брошу колледж и пойду работать, чтобы оплатить его, – восклицает Джорджия, вскинув подбородок.

– Нет, я пойду, – бормочу я.

– Никто не будет бросать учебу. Мы справимся с этим, – заявляет папа.

– Все будет в порядке. Но если вдруг начнется заваруха, я упакую задницу Карвера в багажник и отвезу его в Мексику. И плевать мне на все это дерьмо. – Джорджия ведет себя как настоящая деревенщина, когда злится. И это очень смешно, потому что она городская девчонка, которая родилась и выросла в Нэшвилле.

Мама выходит из спальни и возвращается к нам. Она пытается взять себя в руки. Ее глаза опухли и покраснели от слез. Она вздыхает и обращается к папе:

– Каллум, я поговорила с Вансом. Он сказал, что поспрашивает у своих и выяснит, кто лучший специалист по уголовным делам в Нэшвилле. Он сказал, что сейчас нам остается только ждать.

– Ждать. О, как мило. А каково придется Карверу в вы-

пускном классе школы сейчас, когда ему надо подавать заявки в колледжи и как-то жить без троих лучших друзей? И ждать, когда грянет гром, – возмущается Джорджия. – Это полное дерьмо.

Надо отдать Джорджии должное, она в точности выражает мои мысли. Ну, кроме слов о полном дерьме. Может быть, я все-таки не заслуживаю того, чтобы поплатиться свободой. Может быть, никто и не придет, чтобы потребовать от меня мой долг. И тогда вся эта ситуация перестанет быть полным дерьмом, а превратится в дерьмо только частично.

У меня кружится голова.

– Я буду у себя в комнате. – Мне надо подумать.

Мама, одетая в медицинский халат и брюки врача-физиотерапевта, обнимает меня и целует в щеку.

– Ты не один. Мы с тобой.

– Карвер, хочешь сходить в кино или еще куда-нибудь, чтобы немного отвлечься? – предлагает папа.

– Это не поможет. Но все равно спасибо.

– Тогда я буду в кабинете, поработаю над учебной программой, – говорит он. – На случай если ты вдруг передумаешь.

– Отец Эммы юрист, – вспоминает Джорджия. – Я позволю ей.

Я отправляюсь в свою комнату и усаживаюсь на постель. И пишу смс Джесмин. **Ты свободна? Мне надо с кем-нибудь поговорить.** И хотя я, несомненно, считаю, что грам-

матика и правописание необходимы даже в смс, обычно я не столь серьезен. Но мне почему-то показалось странным писать более вольно. И я уже пожалел, что построил предложение таким образом. Что если я обидел ее, написав «с кем-нибудь поговорить», словно мне подошло бы любое живое существо? Черт. И потом, разве предложение «Мне надо с кем-нибудь поговорить» отражало мое горячее желание? Конечно, на мой взгляд, отражало. По определению.

Ни ответа ни привета. Да и ничего удивительного.

Я принимаюсь расхаживать по комнате, но это не помогает.

Я молюсь молча, про себя. Но, повторяюсь, я не отношусь к рьяным верующим, и молитва помогает не так хорошо, как хотелось бы.

Я опускаюсь на пол и начинаю отжиматься. Последний раз я делал отжимания на уроках физкультуры в средней школе⁵. Мои руки горят. Я сумел отжаться десять раз, прежде чем окончательно выбился из сил. Немного отдохнув, я продолжаю упражнения, и хотя не понимаю, зачем это делаю, становится немного легче.

– Карвер? – Я вздрагиваю от голоса Джорджии и жалею, что не запер дверь в комнату.

Я тут же вскакиваю с пола и отряхиваю пыль с ладоней.

– Да.

– Я поговорила с Эммой, и она собирается все рассказать

⁵ 7–9 классы.

своему отцу.

– Отлично.

– Чем это ты занимался?

– Отжимался.

– Зачем?

Иногда ты узнаешь о чем-то только в тот момент, когда слова срываются с твоих губ, словно информация хранилась внутри втайне от разума.

– На случай если... я отправлюсь за решетку, чтобы я мог защитить себя.

Джорджия качает головой, и ее глаза наполняются слезами, но она ничего не отвечает. Мое сердце гулко стучит в груди. Сестра обнимает меня.

– Мне надо немного поработать. А не то я застряну здесь с тобой на весь день.

– По крайней мере у меня не случилось еще одной панической атаки, правда? Я собираюсь в Перси Уорнер.

Парк Перси Уорнера располагается в десяти минутах ходьбы от моего дома и охватывает несколько акров леса со множеством тропинок. Иногда единственный способ справиться с проблемой – это оказаться в окружении чего-то более древнего, чем я и моя грусть.

Возможно, к тому времени, когда я вернусь домой, Дже-смин ответит мне.

Они все сидят на диване Эли, положив рядом свои контроллеры, и, согнувшись пополам от смеха, комментируют мое последнее, особенно позорное поражение.

– Вы видели, куда свалилось его тело? – вопрошает Блейк, вытирая слезы.

– Послушайте, придурки, родители не разрешат мне купить игровую приставку. А у меня полно дел, поэтому я не сижу и не практикуюсь в играх двадцать четыре часа в неделю. Так что замолкните. Мне плевать, – отвечаю я.

Но мои объяснения вызывают лишь новые взрывы громкого гогота.

– Блэйд вертелся, стреляя и бросаясь гранатами, как сумасшедший, а потом вдруг кто-то просто подошел сзади и вырубил его прикладом ружья по башке, – замечает Марс.

– Представьте, если бы он на самом деле был в армии, – добавляет Эли.

– Да, пожалуйста, давайте, набрасывайтесь все вместе на несчастного лузера в компьютерных играх! – восклицаю я. – Конечно, Марс, ты играешь гораздо лучше, ведь у тебя это заложено генетически. Твой отец, кажется, служил на флоте?

Марс фыркает.

– Да, он был в составе морской пехоты в первую войну в Персидском заливе. И его наградили Бронзовой звездой

и Пурпурным сердцем за какое-то дерьмо, о котором он не рассказывает. Только не пытайся сменить тему и заставить нас забыть о твоём позоре.

Блейк вскакивает и принимается вертеться, нанося удары по воздуху.

– Блэйд вопит: «Вот граната для тебя, и граната для тебя, и для тебя, и, конечно, не забудем о *тебе!*», – бормочет он преувеличенно монотонным голосом дошкольного воспитателя. И они втроем буквально заходятся от смеха.

– А что если Блэйду применить свои блестящие навыки в чем-нибудь еще? – спрашивает Марс, с трудом переводя дух.

– Например, стать официантом, – предлагает Эли.

– Сожрите мешок слоновьих задниц, ублюдки! – кричу я. Они воют от смеха.

Марс встает.

– Вот он стоит посреди ресторана, разбрасывая вокруг себя еду: «Вот роллы для тебя! И кофе для тебя! И мясной рулет для тебя! И...». – Он умолкает.

– Он не может вспомнить другую еду, – радуется Эли.

– Сложно на ходу вспомнить названия блюд, – откликается Марс. – Давай, назови мне какое-нибудь блюдо. Быстрее. Назови блюдо.

– Сэндвич с сыром, – тут же находится Эли.

– Назови еще, – отвечает Марс. – Еще. Быстрее. Назови другое блюдо. Любую еду. Давай. Быстрее. Назови еду. Живее.

– Гм... суп, – говорит Эли.
– Еще. Живее! – требует Марс.
– Гммммммм...

Мы смеемся до изнеможения.

Вот чем я занимался в это самое время в прошлом году. Не уверен, что это происходило за три дня до начала учебы, но примерно в это время.

Я иду среди деревьев, обливаясь потом, раздумывая о нависшей надо мной угрозе суда. Вспоминаю о Джесмин. И думаю, о чем буду размышлять во время тюремных прогулок. Но в основном я вспоминаю тот день, когда члены Соусной Команды смеялись все вместе. Один случай из многих, в котором не было ничего необычного.

Не могу понять, почему это воспоминание горит в моей памяти, словно факел, но это так.

* * *

Когда я возвращаюсь домой, от Джесмин все еще ни смс, ни звонка. Зато Даррену Кофлину как-то удалось разузнать мой номер и он оставил сообщение на автоответчике с просьбой прокомментировать то, что сказал судья Эдвардс. Я ничего не сказал родителям и не перезвонил ему. Да и что я мог бы ответить? *Я очень надеюсь, что не попаду за решетку, хотя в глубине души убежден, что заслужил это. Я сожалею, что убил своих друзей. Очень сожалею.*

Глава 8

На часах двадцать три тридцать, и я почти засыпаю, когда вдруг жужжит сотовый. Это Джесмин.

Прости, только получила твое смс. Весь день занималась. Все еще надо поговорить?

Я так торопливо набираю ее номер, что роняю трубку. Мне удастся схватить телефон в тот момент, когда она ответила.

– Привет, – тихо говорю я.

– Привет, – отвечает она. – Как дела?

Я лежу на постели и закрываю ладонью лицо. Вздыхаю, и этот вздох звучит как стон.

– Охххх. Я схожу с ума.

– Почему?

– Ты слышала, что произошло?

– Нет.

– Ладно, отец Марса – судья.

– Крутой мужик?

– Именно. В общем, сегодня утром мама позвала меня, они смотрели новости. И по телеку выступал отец Марса и говорил, что потребует от окружного прокурора расследовать аварию и, возможно, предъявить уголовное обвинение. – Мой голос предательски дрожит в самом конце. Я уже

плакал перед Джесмин, но не стоит брать это за правило в нашем общении.

– Что?! Постой... *Уголовное* обвинение? А что ты такого сделал? Ты ведь не застрелил их? Это просто бред.

Еще один человек, считающий меня невиновным. И очень важный для меня человек – единственный оставшийся у меня друг. Мое сердце начинает биться спокойнее, руки и голос перестают дрожать.

– Я не знаю, что меня ждет, – продолжаю я. – Мы собираемся на всякий случай посоветоваться с юристом.

– Если понадобится, я готова дать показания и сделать все что потребуется. Я буду чем-то вроде *Возражения*.

Я невесело смеюсь.

– Думаю, выдвигать протест могут только юристы.

– Мне все равно. Я хочу выразить свое несогласие.

– Да уж. Такова моя замечательная жизнь. Над чем ты работала сегодня?

Она вздыхает.

– Над ноктюрном Шопена, который хочу сыграть на прослушивании в Джуллиарде. Но не исключено, что я передумаю и выберу Дебюсси. Или займусь чем-то совершенно другим.

– Но как же ты можешь не играть Дебюсси, если ты умеешь играть Дебюсси? Ладно тебе.

Она смеется.

– Заткнись.

– А кто твой любимый композитор?

– О, прошу тебя. Почему бы тебе не спросить, какой у меня любимый палец?

– Какой у тебя любимый палец?

– Гммм. Вообще-то, средний. Средний палец правой руки.

– Теперь понимаешь? Любимый композитор.

– Нет. Это было неудачное сравнение. Кто твой любимый писатель?

– Кормак Маккарти. Это легко.

– Кроумак Маквоти?

– Ой, да ладно тебе.

– Шермак Маккэти?

– Глупости. Перестань. – Невероятно, но ей удалось развеселить меня после столь неудачного дня.

– Кормак звучит как имя инопланетянина.

Она могла бы стать достойным членом Соусной Команды.

– Джесмин тоже звучит как имя инопланетянки.

– Нет, я серьезно. Разве имя Кормак не напоминает тебе марсианское?

– Ладно, немного похоже. И это очень кстати, потому что он с планеты Фантастика. Ты правда ничего о нем не слышала?

– Ничего.

– Ладно, мы это исправим. Как ты относишься к канны-бализму?

– Ну, я бы сказала... отрицательно? Категорически отрицательно!

– А как насчет того, чтобы почитать о каннибализме?

– Только если это хорошая история. И если мне понравятся герои.

– Отлично.

Во время нашего разговора я чувствую, как постепенно проходит тяжесть в груди. Словно я лежал под грудой камней и кто-то сбрасывал их с меня один за другим. И с каждым камнем отступала тяжесть.

Мы разговариваем до самого утра. Мне даже приходится поставить телефон на зарядку. К концу разговора мы так сильно устаем и хотим спать, что то и дело окликаем друг друга, пытаясь заполнить паузы между новыми темами. Чтобы убедиться, что на том конце провода кто-то еще есть.

Глава 9

Родители завтракают – пьют кофе и едят хлопья, – когда я вваливаюсь в кухню. Они смотрят на меня так, будто я сообщил им, что у меня есть невидимый друг, который призывает меня коллекционировать ножи и консервировать мочу в банках.

– Привет, милый, – говорит мама. – Мы слышали, что ты не спал ночью.

Я тру лицо.

– Да. Не мог уснуть.

– Сегодня тебе надо бы отдохнуть, – советует папа. – Скоро начнется учеба, а ты последнее время совсем не спишь. А эта история с судьей Эдвардсом только все усложняет.

– Я сегодня уже не усну. Кроме того, я собираюсь помочь бабушке Блейка прополоть огород и сделать все, что она еще скажет.

Мама протягивает мне миску с хлопьями.

– Ты так и не поговорил с нами о том, что произошло. Прошла неделя после похорон Блейка. Вредно держать все в себе. Если ты не желаешь разговаривать с нами, мы хотим, чтобы ты поговорил с кем-то другим.

– Мы уже обсудили все с Джорджией. Я в порядке.

Папа старается говорить как можно мягче.

– Нет, не в порядке. Люди, у которых все в порядке, не

попадают в отделение скорой помощи с приступом панической атаки. – В его голосе слышно огорчение. Я не могу винить его, но иногда он тоже огорчает меня, так что все по справедливости.

– Это случилось всего-то один раз.

– Ты работаешь над чем-нибудь новым? Пишешь рассказы или стихи? – интересуется мама. – Это могло бы помочь.

– Нет.

Я чувствую себя абсолютно обессиленным, и этот вопрос никак не улучшает моего настроения. Возможно, моя муза оказалась в машине вместе с Соусной Командой.

Мы сидим за столом, и я чувствую, как мечутся их мысли в попытках найти выход из трудного положения. Ощущаю, как они подбирают правильные слова. Я хорошо знаю, как меняется аура вокруг людей, которые пытаются найти правильные слова, но у них ничего не получается. Поэтому я быстро ем, не говоря ни слова.

Когда я собираюсь идти чистить зубы, папа говорит:

– Мы тебя любим, Карвер. И нам нелегко смотреть, как ты страдаешь.

– Я знаю, – отвечаю я. – Я тоже люблю вас, ребята. *(И если нелегко видеть, как я страдаю, представьте, каково мне испытывать эти страдания).*

– Так, ребята, зацените. Беличье родео, – говорит Блейк.

– Мы что, собираемся скакать верхом на белках? – интересуется Марс.

– Да, будем скакать на белках. Нет, придурки, слушайте, в чем прикол. Вы видите белку у края тропинки и двигаетесь вперед, чтобы направить ее на тропинку. Затем медленно идете за ней. Не слишком быстро, иначе она сбежит и вы проиграете. Каждый раз, когда она будет пытаться уйти с тропинки, вы стараетесь помешать ей и снова направить ее обратно. Вы должны удержать белку на тропинке в течение восьми секунд. Это – беличье родео.

– Стоило мне испугаться, что ты исчерпал запасы своей деревенской тупости, как ты превзошел самого себя, – иронизирует Марс.

– По крайней мере он не предложил нам поймать и сожрать этих белок, – замечаю я.

– *Пока*, – уточняет Марс. – Он *пока* этого не сказал.

– С таким подходом вы не сможете преуспеть в искусстве беличьего родео, – откликается Блейк.

– Послушай, братан, я согласился на арахисовое масло и бананово-молочный коктейль в «Бобби дэйри дип». Но я не подписывался на то, чтобы гоняться за чертовыми белками в последнюю неделю летних каникул.

– Что если твой отец увидит, как ты гоняешься за белками по Сентенниал-парку? – спрашивает Эли.

– Он наверняка сказал бы: «Тергуд, *какого хрена* ты гоняешься за этими белками? Как эта погоня за белками поможет тебе в учебе? Ты что, хочешь достичь совершенства в искусстве преследования белок? Твой дедушка не для того ходил в военные походы с доктором Кингом, чтобы ты гонялся за белками». – Марс произносит эти слова внушительным, степенным тоном.

Мы разражаемся хохотом, потому что Марс только слегка утрировал манеру своего отца.

Блейк поднимает руку, делая нам знак заткнуться, и осторожно направляется к белке по краю асфальтовой дорожки.

– Итак, начинаем, – шепчет он, доставая свой телефон и включая камеру. Он осторожно загоняет белку на дорожку. Около семи секунд зверушка скачет перед ним. Блейк пресекает каждую попытку белки спрыгнуть с тропинки, пока, в конце концов, ей не удастся ускользнуть. Блейк издает стон огорчения, а мы хохочем.

Следующие пятнадцать минут мы все пробуем свои силы в беличьем родео, а Блейк снимает нас на камеру. Никому из нас не повезло, но мы все довольны.

Наконец мы усаживаемся в тени высокого дуба, разгоряченные от послеполуденной жары. Блейк редактирует видео и выкладывает их на своем канале на YouTube. Эли строчит кому-то сообщения. Марс рисует. А я пишу рассказ в своем

телефоне.

– Предлагаю ввести новую традицию, – некоторое время спустя говорю я. – В конце каждого лета перед началом занятий берем с собой какую-нибудь вкуснятину из кафе-мороженого, приходим в парк и играем в беличье родео.

Если бы в Соусной Команде существовали официальные должности, то я был бы хранителем священных традиций. Мне нравится концепция, что мы создаем семьи, обладающие всеми чертами наших собственных семей, включая и традиции.

– Традиция столь же важная, как Рождество и День благодарения, – восклицает Марс.

– Но гораздо более веселая, чем Рождество и День благодарения, чувак, – откликается Блейк.

– А как насчет того времени, когда мы будем в колледже? – спрашивает Эли.

– Будем отмечать этот праздник летом, пока мы дома, – отвечаю я.

И так мы проводим время в относительной прохладе густой древесной кроны, отбрасывающей тени на траву. Закатное солнце пурпурным пожаром опаляет листву, цикады неумолчно стрекочут вокруг, и кажется, что Земля дрожит от их пения.

И в душе такое чувство, что ты никогда не будешь одинок. Что те, кого ты любишь и кто любит тебя, всегда тебя выслушают.

Даже тогда я понимал, каким сокровищем обладаю.

* * *

Когда я звоню в дверь, Нана Бетси открывает не сразу.

– Блэйд? И чем я обязана такой радости?

Прошла неделя после похорон Блейка, и от нее по-прежнему исходит ощущение тяжелой утраты. Взглянув в зеркало, понимаю, что мы с ней выглядим похоже. В доме царит беспорядок, какого я раньше не видел. Лужайка заросла травой.

Я вытаскиваю из заднего кармана брюк рабочие рукавицы отца.

– Вы говорили, что Блейк помогал полоть сорняки, потому что вам трудно это делать. И вот я пришел прополоть сад и помочь еще чем-нибудь.

– О небеса! – Она машет рукой. – Ты не обязан это делать. Я могу позвать какого-нибудь мальчишку-соседа, который сделает это за несколько долларов. Ты проходи. Извини за беспорядок.

– Я должен это сделать. – Я умоляюще смотрю на нее. – Пожалуйста.

Она отвечает мне добрым спокойным взглядом.

– Нет, не надо. – Ее слова звучат одновременно и мягко, и твердо.

– Я должен. – И внезапно мне хочется плакать, поэтому

я притворяюсь, что закашлялся, и отвожу глаза в сторону. Меня вдруг охватывает желание рассказать ей о возможном расследовании аварии окружным прокурором. Но я сдерживаюсь. Мысль о том, что она станет думать обо мне как о преступнике, невыносима.

Она дает мне успокоиться и лишь затем отвечает:

– Хорошо. Пойдем во двор. Покажу тебе, что надо делать. А я тем временем съезжу в магазин и куплю все необходимое, чтобы приготовить лимонад и угостить тебя ланчем. Ты заслуживаешь чего-то более вкусного, чем остатки еды недельной давности, с которыми я все никак не справлюсь.

Я не заслуживаю.

– Пожалуйста, не стоит...

– Блэйд, это не обсуждается.

Мы отправляемся на задний двор. Она показывает мне где полоть и дает корзину для спелых помидоров. А затем ведет туда, где хранятся газонокосилка и бензин, объясняет, как ею пользоваться, и уезжает в магазин.

Я берусь за работу. Соленый пот жжет глаза в густой, неподвижной и знойной духоте позднего утра, терпкий аромат помидорных стеблей наполняет мои ноздри. Я растворяюсь в бездумном ритме работы. Забываю о судьбе Эдвардсе. Об Адейр. Я забываю о Даррене. И об аварии. Возможно, это пригодится мне в будущем, когда я отправлюсь в тюрьму и стану расчищать шоссе в оранжевом полукомбине зоне. *Наклоняюсь. Дергаю. Отбрасываю в сторону. Наклоняюсь.*

Дергаю. Отбрасываю в сторону. Наклоняюсь. Дегаю. Отбрасываю в сторону. Поначалу я работаю в перчатках отца, но вскоре руки так сильно вспотели, что я сдергиваю перчатки и отшвыриваю их в сторону. Ладони становятся коричнево-зелеными от земли и сорняков. Я даже не вижу, как возвращается Нана Бетси.

Я уже скосил половину лужайки, как вдруг замечаю, что она машет мне с крыльца. Я выключаю газонокосилку.

– Пора перекусить! И принеси несколько спелых помидоров.

Я срываю несколько самых крупных и красных плодов и вхожу в благословенную прохладу дома с включенным кондиционером, тщательно вытерев ноги.

– Иди на кухню, – зовет Нана Бетси.

Я уже собираюсь войти в кухню, но почему-то не могу заставить себя это сделать. Мне хочется вернуться во двор и продолжить обливаться потом, продолжить наказывать свое тело. Хочется мучиться от голода и жажды. Я не желаю, чтобы Нана Бетси кормила и утешала меня.

– Ну же, входи, – снова зовет она.

Я отрываюсь от размышлений и иду напрямик к раковине, чтобы смыть с рук грязь и травяной сок. На столе я вижу белый хлеб, банку майонеза «Duke's», солонку и перечницу, кувшин свежего лимонада со льдом, зубчатый нож и две тарелки.

– Садись, – приглашает она, выдвигая деревянный стул. –

Ничего необычного, но мне кажется, нет на этой Земле ничего прекраснее, чем сэндвич со свежими помидорами в жаркий денек.

– Согласен. – Насквозь промокшая футболка холодит мою спину в прохладном кондиционированном воздухе.

Нана Бетси выбирает самый мясистый помидор и режет его толстыми кружками. Она щедро намазывает майонезом два куска хлеба и раскладывает помидорные ломтики поверх одного из них.

– Добавь соли и перца по своему вкусу. – Она посыпает специями свой сэндвич.

– Мммммм, – произнесит она и встает за бумажными полотенцами, чтобы мы могли вытирать розовый томатно-майонезный соус с рук и лиц. – Свежие помидоры пахнут солнцем, ведь правда?

– Мммм-гмммм, – откликаюсь я, отпивая глоток ароматного ледяного лимонада. У меня сводит горло от холода. – Они пахнут летом. – *Или должны им пахнуть. Я этого не заслуживаю, поэтому они по вкусу напоминают мне песок, хотя сэндвич великолепен.*

– Именно так всегда говорил Блейк. Он обожал сэндвичи с помидорами.

– Блейк вообще любил поесть.

Нана Бетси усмехается.

– Это точно.

– Как-то мы с Блейком сидели у меня дома и ужасно про-

голодались, но у нас не было денег, чтобы сходить в магазин и что-нибудь купить. А наш холодильник был забит капустой и прочей зеленью, потому что родители помешались на здоровой пище. И вот мы стали искать что-нибудь, что могли бы приготовить. Мы нашли упаковку спагетти, но у нас не было соуса. И мы заправили их кетчупом и горчицей.

Нана Бетси фыркает и прикрывает ладонью рот. Она буквально трясется от смеха, а я продолжаю:

– И что вы думаете? Я съел совсем чуть-чуть, а Блейк? Он был в восторге. И он слопал всю миску один. И вот он начал: «Блэйд, Блэйд, мы придумали новое блюдо. Назовем его гамбургерные спагетти. Гамгетти. Мы можем продать эту идею». А я подхватил: «Блейк, ты можешь это есть лишь потому, что ужасно голоден. Это же несусветная гадость».

Нана Бетси шмыгает носом, утирая слезы, но это слезы от смеха. На мгновение я забываю о чувстве вины. На меня снисходит едва уловимое ощущение искупления, но я чувствую его сладость.

– Парень, между нами, мы ведь хорошо понимали Блейка, правда? – спрашивает Нана Бетси.

Я ловлю ускользнувшую капельку томатного сока.

– Да.

– Интересно, как люди идут своими путями в этом мире, даря крохотные частицы своей жизни тем, кто встречался им на этом пути, и навсегда запечатлевая эти частицы в их душах. И вот ты начинаешь задумываться, что произошло бы,

если бы все эти люди сложили вместе эти частицы, словно пазл. – Нана Бетси откусывает большой кусок сэндвича и задумчиво смотрит вдаль. – У меня есть безумная идея. Я думаю, что она безумная.

– Расскажите.

– Иногда я очень жалею, что у меня никогда не будет дня прощания с Блейком. Ничего необычного. Никакого восхождения на Эверест или прыжков с парашютом. Мы просто провели бы время за обычными занятиями, которые так любили. Еще один раз.

Медленно покачиваясь на стуле, она на мгновение закрывает глаза. Но это выглядит не так, будто она спит, а так, словно размышляет. Наконец она перестает покачиваться и открывает глаза. В них я вижу едва различимый прежний блеск, и это мой единственный луч надежды за последний месяц. Словно счастье – это нечто, чего нельзя полностью уничтожить, его горячие угольки продолжают тлеть под влажным пеплом.

– Что если бы нам подарили один день прощания с Блейком? Тебе и мне.

– Я не совсем понимаю.

– Я имею в виду, что мы собрались бы и провели с Блейком один день – день, которого у нас с ним никогда не будет. Мы сложили бы воедино частицы, оставшиеся нам от Блейка, и дали бы ему возможность прожить еще один день вместе с нами.

Я чувствую себя так, будто я что-то стащил из магазина и уже прошел полпути до своей машины, как вдруг услышал, как охранник вопит мне вслед, требуя вернуться.

– Я имею в виду, я... я не знаю, смог бы... я...

Теперь она выпрямляется на стуле.

– Конечно, ты смог бы. Во-первых, вы были закадычными друзьями. Готова поспорить, ты знал о нем то, чего не знала я.

– Возможно.

– И готова поспорить, что я знала о нем много такого, чего не знал ты.

– Несомненно.

– А во-вторых, Блейк давал мне почитать твои сочинения.

– Он давал? Что?

– Рассказ, в котором описываются события в Восточном Теннесси, когда во время извержения вулкана погибает большинство жителей. Мне понравилось. Мне надо было сказать об этом раньше.

– Круто.

– Так что суть в том, что если кто и сможет описать жизнь Блейка в этот день прощания, так это ты.

– Но... Вы уверены, что *хотите*, чтобы это был я? – *Потому что я не хотел.*

– Уверена. Кто еще мог бы это сделать?

У меня внутри все сжимается от тревоги.

– Я не знаю.

– Ты можешь не отвечать сразу. Подумай. Что в этом плохого? Это не то что по-настоящему вернуть Блейка – это невозможно. Но это то, что мы можем сделать.

В ее глазах светится нежность. Теперь она не кажется таковой отстраненной, как в последний раз, когда я ее видел. Я не хочу говорить «нет». Но не могу заставить себя сказать «да».

– Ты ничего мне не должен, – сказала она. – Если ты не сможешь, я пойму. Возможно, завтра утром я проснусь и пойму, что это плохая идея или что я не смогу с этим справиться. Но ты подумаешь над моим предложением?

– Подумаю. Обещаю. – Я вглядываюсь в ее лицо, выискивая признаки того, что огорчил ее, но ничего не вижу. По крайней мере, мне так кажется. – Спасибо за ланч. Мне надо вернуться и закончить с лужайкой.

Нана Бетси наклоняется ко мне через стол и обнимает, ее ладонь касается моей холодной спины.

– Спасибо, – шепчет она.

* * *

Я лежу на постели, все еще мокрый после душа, а вентилятор обдувает меня прохладным воздухом. Это успокаивает. Я представляю себя беспечным ребенком, который вылез из плавательного бассейна и обсыхает на солнышке.

Я обдумываю свой вечер. В основном все варианты сводятся к просмотру фильмов на Нетфликсе вместе с Джор-

джией. Но она собралась на тусовку с друзьями. Внезапно я осознаю, какой тихой и скучной стала моя жизнь, как редко мой телефон оповещает о новых смс или звонке. И сколько одиноких вечеров ждет меня впереди.

Я не хочу оставаться один. Обычно я спокойно переношу одиночество, но только не сегодня. Я вспоминаю о своей единственной возможной компании.

Начинаю писать Джесмин и внезапно останавливаюсь. *Разве это не странно?* Между нами возникло что-то вроде эмоциональной связи, но не вызвано ли это сложившейся ситуацией? Из-за переписки и телефонных разговоров?

В других обстоятельствах я помучился бы еще немного. Но одиночество порождает отчаянную храбрость. Да и что я, в конце концов, теряю? Я торопливо дописываю смс, чтобы не успеть передумать.

Привет. Хочешь потусоваться сегодня вечером?

Мой телефон жужжит в ответ.

Очень. Во сколько?

Я облегченно вздыхаю.

7? Я могу забрать тебя.

Отлично. 5342 Проезд Гарпет Блаффс.

Это похоже на то, как если бы я вскрыл склянку с целебным бальзамом.

Я отправляюсь на кухню и разогреваю жареного цыпленка из магазина, которого обнаруживаю в холодильнике.

– Какие планы на вечер? – интересуется Джорджия. Она уже принарядилась для встречи с друзьями и, сидя за кухонным столом, пишет смс.

– Встречаюсь с другом, – говорю я с набитым ртом.

– С парнем или...

– Нет, с Джесмин. Это подруга Эли. Девушка, которую ты видела с родителями Эли на похоронах Марса и Эли.

– Та смуглая? Тебе надо было познакомить нас.

– Мы с ней сильно сблизились с тех пор.

– И чем вы займетесь?

– Есть пара идей. Но в основном мы с ней просто болтаем.

В таких случаях Джорджия обычно всегда начинала меня дразнить, ерошила мои волосы, пыталась смачно поцеловать в ухо. И мне бы хотелось, чтобы она сделала это и сейчас, потому что это стало бы намеком на нормальность. Странно произносить вслух, что я встречаюсь с девушкой моего погибшего друга. Мне нужно поддразнивание Джорджии, чтобы успокоиться.

Но вместо этого она хлопает меня по плечу с таким видом, словно хочет сказать: «Ну, классно, что твоя жизнь продолжается».

– Тебе будет полезно с кем-нибудь поговорить.

В кухню входит мама.

– Привет, милый. Как поживает Бетси?

– Хорошо, – бормочу я, жуя. – Грустит.

– Мы с папой идем сегодня вечером в кино. Ты приглашен.

– Я собираюсь встретиться с другом.

На ее лице отражается радостное удивление. *Я не знала, что у тебя есть еще друзья.*

– Мы его знаем?

– Нет.

– Ладно. Если передумаешь или вернешься рано, мы здесь.

– Спасибо за приглашение.

Джорджия пристально смотрит на меня, и я тут же опускаю глаза в тарелку и принимаюсь за еду.

* * *

Джесмин живет в Белвью. Я выхожу из дома и через пятнадцать минут уже сижу в своей машине перед ее домом на одной из безымянных дорог без единого деревца. Это один из новых жилых массивов, которых полно в той части Нэшвилла.

Я приехал на пятнадцать минут раньше. Я постоянно приезжаю раньше назначенного времени и потому уже привык к ожиданию.

Я сижу у дома Джесмин до семи, слушая музыку и пытаюсь представить, о чем думал Эли, когда впервые подъехал

к этому дому. Этот район – прямая противоположность тому месту, где жил Эли. Он жил в Хилсборо Виллидж, рядом с Университетом Вандербилта, в красивом старом доме на улице, утопающей в зелени деревьев. На мгновение я задумываюсь – что если бы он смог увидеть, как я сижу в машине напротив дома его девушки? В моем сердце теплится надежда, что он сумел бы заглянуть в мою душу и понять, как сильно я желаю, чтобы на моем месте был он.

Ровно в 19:02 (я знаю, что людей раздражает, когда я прихожу точно в назначенное время) я стучу в дверь Джесмин. Мне открывает высокий белый мужчина с густой шапкой седых волос.

– О... простите, наверное, я ошибся домом, – произношу я.

Он улыбается.

– Ты ищешь Джесмин?

– Да.

– Я отец Джесмин. Джек Холдер. Рад познакомиться.

Мыжимаем друг другу руки.

– Я – Карвер Бриггс. Раз знакомству.

– Проходи.

У нее просторный, чистый и светлый дом. Белые потолки, белые стены. В воздухе витает аромат ягод и зеленых яблок. Паркетные полы сверкают. Все выглядит абсолютно новым. Часть гостиной занимает огромный рояль.

– У вас красивый дом, – говорю я, поднимаясь за ним по

лестничным ступеням, отделанным ковровым покрытием.

– Спасибо, – отвечает мистер Холдер. – Мы только месяц назад полностью распаковали вещи. Переехали сюда в середине мая, как раз после того как Джесмин закончила учебный год.

– А почему вы переехали в Нэшвилл? – интересуюсь я.

– Я получил должность в «Ниссан». После того как мы решили, что учебные заведения округа Мэдисон не станут для Джесмин trampolines для поступления в Джуллиард.

Мы идем вперед по коридору. Мистер Холдер оборачивается ко мне.

– Так значит... вы с Эли были друзьями?

– Лучшими друзьями. – Я был готов к этому вопросу, но мне все равно больно.

– Сочувствую.

– Спасибо. – Мне ужасно хотелось бы согнать на один стадион всех, кто когда-либо пожелает выразить мне сочувствие в связи с моей потерей. И там на счет три (и возможно, под пальбу артиллерийских орудий) все они стали бы одновременно выражать свое сочувствие в течение тридцати секунд. А я бы стоял посреди поля, ощущая, как их сочувствие омывает меня, словно морская волна. И таким образом я раз и навсегда покончил бы с отдельными группами сочувствующих.

– Для отца все парни кажутся недостойными его дочери. Но я всегда считал Эли приятным и талантливым молодым

человеком.

– Он таким и был.

Мы подходим к открытой двери в спальню. Мистер Холдер заглядывает внутрь и стучит по дверному косяку.

– Джес? Милая, твой друг пришел.

Я тоже заглядываю в комнату. В ней повсюду разбросана одежда. Стены украшены концертными афишами. Современная музыка, классическая музыка, современные плакаты, старинные афиши. Джесмин сидит за синтезатором, соединенным проводом с ноутбуком. Она играет с закрытыми глазами, и я слышу приглушенное звучание клавиш. У нее на голове наушники. На лице – блаженное выражение, так сильно отличающееся от того горестного выражения лица, которое я видел у нее в последний раз на похоронах. Мне жаль прерывать ее. Джесмин подскакивает, услышав голос отца, поднимает взгляд на нас, а затем переводит на свой ноутбук. Потом нажимает на клавишу пробела, останавливая что-то похожее на звукозаписывающую программу, стягивает с головы наушники и кладет их на синтезатор.

– Привет, Карвер. Прости, я совсем забыла о времени.

– Ничего страшного, – отвечаю я.

Мистер Холдер прислоняется к стене.

– Ты серьезно, пап? – спросила Джесмин.

– Джес.

Она закатывает глаза.

– Мы пробуем здесь от силы пару минут, пока я надену

сапоги.

Я заливаюсь краской.

– Я могу подождать внизу...

– Нет, все в порядке. Карвер, рад был с тобой познакомиться, – говорит мистер Холдер. Предупреждая вскинув брови, он смотрит на Джесмин и поднимает вверх два пальца. – Две минуты, или я возвращаюсь сюда. – Он направляется вниз.

Джесмин закатывает глаза ему вслед.

– Прости.

– Отец есть отец. – Я киваю на ноутбук. – Над чем работаешь?

Она отмахивается.

– О... это... я сочиняю и записываю песни. По крайней мере, пытаюсь. Входи. Судя по всему, у нас мало времени.

Я переступаю через валяющиеся на полу джинсы и сажусь на кровать (*кровать, на которой когда-то сидел Эли*).

– Я думал, что ты только на рояле играешь.

– Это единственное, что я неплохо умею. Эли говорил, ты пишешь рассказы.

– Да. Не песни или что-то в этом роде. Этим занимается мой отец. Я сочиняю короткие рассказы, стихи и тому подобное. И хочу когда-нибудь написать роман.

– Он говорил, у тебя хорошо получается.

– Не знаю.

– Ты поступил в Художественную академию Нэшвилла.

– Да.

Джесмин подходит к шкафу. Она садится и, отвернувшись, натягивает носки и потертые коричневые ковбойские сапоги. Именно так я привык ее видеть (если можно привыкнуть к кому-то, кого ты видел от силы несколько раз). Не в черной траурной одежде. На ней свободная белая блузка без рукавов и джинсовые шорты с бахромой. Ее ногти на руках и ногах покрашены черным и белым лаком. Два белым, один черным, один белым, один черным. Как фортепианные клавиши.

Мою душу омрачает тень при мысли об обстоятельствах, благодаря которым я сейчас смотрю на красивую девушку, собирающуюся на прогулку со мной. В обычной жизни этот момент скрывал бы в себе множество возможностей. В эти мгновения могла бы зародиться сверхновая звезда любви. Нечто, о чем впоследствии можно было бы рассказывать внукам: *Я помню, как приехал за вашей бабушкой, чтобы повести ее на первое свидание. Она еще не собралась. Я пару секунд наблюдал, как она нажимала клавиши синтезатора. Она напомнила мне медленно падающий лист, кружащийся на ветру. Она бросила игру, и я сел на ее постель, наблюдая, как она ищет пару свежих носков. Она схватила свои ковбойские сапоги и, усевшись на пол, принялась изо всех сил натягивать их, так что кожа скрипела. В ее комнате пахло жимолостью, так пах ее лосьон, и присутствовал еще какой-то головокружительный аромат, казавшийся мне но-*

вым и одновременно невероятно знакомым. Я смотрел, как она совершает все эти обычные приготовления, и даже в такой обычный момент она казалась мне необыкновенной.

Но настоящее мгновение – всего лишь жестокая пародия на этот рассказ. Это мгновение мне не принадлежит. Между нами ничего не зарождается. Мы прощаемся с чем-то важным, предавая это нечто важное забвению.

Надеюсь, однажды придет тот день, когда я для меня станет вполне естественным пригласить девушку на свидание, купить мороженое и вместе с ней съесть его в парке.

Надеюсь, что в будущем меня ждут новые приобретения.

Я устал от потерь.

Я устал от прощальных литургий.

Глава 10

Мы сидим в моей машине рядом с домом Джесмин.

– Есть какие-нибудь мысли? – Джесмин сидит, скрестив ноги, на пассажирском сиденье. Девчонки намного опередили парней в том, как удобно устраиваться на пассажирском сиденье.

– Ну да. Ты была в кафе «Бобби дэйри дип»?

– Нет.

– Твой отец сказал, что вы недавно переехали. Помню, Эли тоже мне говорил.

– Да, из Джексона, штат Теннесси. Несколько месяцев назад.

– Тебе нравится в Нэшвилле?

– Шутишь? Здесь повсюду звучит музыка. Это мой город.

– Итак, «Бобби дэйри дип» – это кафе-мороженое. Мы покупали там арахисовое масло и бананово-молочные коктейли.

– «Мы» – это ты, Эли, Марс и Блейк?

– Да. Это стало нашей традицией.

– Южанка и филиппинка во мне одобряют арахисовое масло и бананово-молочные коктейли.

Я завожу машину и трогаюсь с места. Мой язык опережает разум.

– А я и не предполагал...

– Что?

Черт.

– Что тебя удочерили.

Она озадаченно склоняет голову набок.

– Постой... что?

– Гм.

Она поворачивается ко мне на сиденье.

– Что... о чем ты говоришь? – мягко спрашивает она.

У меня отвисает челюсть.

– Вся моя жизнь – сплошной обман, – шепчет она с серьезным лицом. – Белые отец и мать вовсе не мои настоящие родители?

Я по-прежнему не в силах говорить.

Она начинает смеяться. Ее смех – чистый, звонкий, серебристый, словно позвякивание китайских колокольчиков на ветру.

– Да ладно, чувак, – говорит она. – Неужели тебе кажется, что Джесмин Холдер – это имя и фамилия филиппинки?

Я не могу сдержаться и тоже смеюсь.

– Я не разбираюсь в филиппинских именах и фамилиях.

– *Холдер*. Английское слово, обозначающее того, кто что-то держит.

– Правильно. Хорошо.

– Хорошо.

– Так значит, твои предки что-то держали? Или как еще это объяснить?

– Мне кажется, они держали... мечи или гусей, или лошадиные подковы, или что-то еще, что могли держать люди в давние времена.

– Что бы это ни было, они держали это достаточно долго для того, чтобы все вокруг решили, что их нужно назвать в честь этого.

Мы останавливаемся около кафе Бобби.

– Ну а как насчет твоих предков? – спрашивает она, не торопясь отстегивать ремень безопасности.

– Мой дед ирландец, причем самый настоящий, из Ирландии, у мамы – смесь немецкой и валлийской крови или что-то в этом роде.

– Правда? Для ирландца у тебя слишком темные волосы и глаза.

– Отец говорит, что нас называют «черные ирландцы».

– А у твоего отца есть этот прикольный акцент?

– Он уже долго живет в Америке, поэтому акцент почти исчез, но все-таки еще есть.

От острого приступа вины у меня перехватывает дыхание. Эли сейчас не здесь из-за меня, а я шучу с его девушкой, болтая о том, кто мы и кто наши предки, и собираясь соблюсти традицию, которая появилась благодаря Эли. Я с трудом справляюсь с волной головокружения и ужаса. *Господи, пожалуйста, только не здесь. Не сейчас. Избавь меня от панической атаки на парковке перед кафе Бобби, когда Джессмин Холдер сидит на пассажирском сиденье моей «Хонды*

Цивик», скрестив ноги. Я смотрю прямо перед собой и делаю глубокий вдох. И еще раз. И еще. Голос Джесмин возвращает меня к реальности.

– Эй, Карвер. Ты в порядке?

Я смотрю на нее, но не в состоянии подобрать слова. Пытаюсь решить, что же сказать, но голова меня не слушается.

– Ты так побледнел, – говорит она. – Все в порядке?

Я неуверенно киваю и снова глубоко вздыхаю.

– Да. Все... супер. Я в порядке.

– Ты уверен? – Она отстегивает ремень.

Я уже собираюсь ответить утвердительно, но к горлу подкатывает тошнота и я просто поднимаю вверх большие пальцы.

* * *

К тому времени, когда мы забрали свои молочные коктейли, мне стало гораздо лучше.

– Эли когда-нибудь рассказывал тебе о беличьем родео? – спрашиваю я, выезжая с парковки и направляясь в сторону парка.

Джесмин взирает на меня с таким видом, с каким взглянул бы любой, кого спросили бы о чем-то вроде «беличьего родео».

– Судя по всему, не рассказывал, – заключаю я. – Это часть нашей традиции. Купив коктейли, мы отправлялись в

парк и играли в беличье родео. Это игра, в которой участник должен гнать белку по дорожке, не давая ей ускользнуть в сторону.

– Не представляю, почему Эли не рассказал об этом своей девушке, – говорит Джесмин.

– Это гораздо забавнее, чем кажется.

– А это вообще возможно? – В уголках ее губ мелькает едва заметная улыбка.

Я улыбаюсь, и мы едем дальше.

– Ну и... – произношу я спустя некоторое время. – Как ты?

– Последнее время я плохо сплю, – отвечает она.

– У меня та же проблема. Не знаю, буду ли я когда-нибудь снова чувствовать себя нормально.

– Я разговаривала об этом с мамой. Она потеряла друга в колледже. И она сказала, что потребуется время. Это ведь не таблетка, которую можно легко проглотить.

Но я, даже существуя такая таблетка, не уверен, что принял бы ее. Я не уверен, что заслуживаю это.

– Значит, с твоими родителями можно поговорить по душам? – спросил я.

– Точно.

– Здорово.

– А ты многое рассказываешь родителям?

– Вообще-то нет.

– Почему?

– Знаешь, они замечательные родители и всегда говорят, что я могу к ним обратиться. Но я не обращаюсь. Это очень странно.

Она слизывает каплю, стекающую по краю стаканчика.

– А тебе есть с кем поговорить? Конечно, мы с тобой разговариваем, но...

– Да, с моей сестрой Джорджией. Мы с ней близки. Но у нее начинаются занятия в колледже через неделю после нас.

– Мне бы хотелось иметь брата или сестру примерно одного возраста со мной. У меня есть два старших брата, Бо и Зеке, но они на десять и на двенадцать лет старше.

– Круто.

– Да, они женаты, у них уже свои дети и все такое прочее. И живут они далеко отсюда. Так что фактически я единственный ребенок в семье.

Уже смеркается, когда мы приезжаем в парк и отправляемся бродить по тропинкам.

– Ладно, настало время беличьего родео, – решительно заявляю я.

– И что я должна делать?

Я объясняю.

– Значит, я должна удержать белку на дорожке в течение восьми секунд? – спрашивает Джесмин.

– Именно.

Мы проходим мимо людей, которые гуляют, взявшись за руки, устраивают пикники, делают фото на память о помолв-

ке, целуются, подбрасывают детей в воздух. Летние парки – это места, где происходят самые запоминающиеся события человеческой жизни. Я задумываюсь, обретет ли для меня когда-нибудь свою прелесть наблюдение за жизнью людей вокруг.

Я вглядываюсь в лицо Джесмин, пытаюсь понять, о чем она думает. Но я пока не научился ее разгадывать.

Она хлопает меня по плечу.

– Что?

– Ничего.

– У меня что-то на лице?

– Нет.

– Ладно, – мягко отвечает она, указывая на белку, которая сидит рядом с тропинкой, изогнув хвост. – Запускай секундомер.

Она осторожно ступает вперед, направляя белку на тропинку. Зверек делает несколько прыжков и замирает. Джесмин следует за белкой быстрыми легкими шагами, ее ковбойские сапоги звонко цокают по гладкой поверхности тропинки, словно маленькие подковы. Белка еще немного скачет по тропинке и начинает уклоняться вправо. Но Джесмин не дает ей сбиться с курса, снова направляя вперед.

Я наблюдаю за ней в желтоватой дымке уходящего дня. Джесмин красиво двигается, возможно, потому что она музыкант. Я радуюсь, что еще способен увидеть в чем-то прекрасное.

Она с улыбкой оборачивается ко мне.

– Сколько секунд?

– Что?

– Приятель, ты должен был засечь время.

– У меня случилась паническая атака, – выпаливаю я, сам не понимая, почему признаюсь в этом именно сейчас.

Ее улыбка угасает, словно солнце скрылось за облаком.

– Что? В тот момент, когда ты засекал время?

– Нет, нет. В день похорон Блейка. У меня случилась самая настоящая паническая атака. Сестра отвезла меня в больницу и все такое.

– Блин, Карвер. – Она указывает на ближайшую скамейку, и мы садимся.

– Сейчас я в порядке. Врач даже не назначила мне лекарства.

– На что это было похоже?

Я уже открываю рот, чтобы ответить, но умолкаю, дожидаясь, когда мимо нас пройдет пара с детской коляской.

– Это все равно что быть похороненным заживо. Словно провалиться под лед.

– И как ты станешь это лечить?

Я наклоняюсь вперед и пробегаю пальцами по волосам.

– Возможно, я... на самом деле я пока не знаю. Думаю, я понаблюдаю, будут ли приступы происходить и дальше, и если они повторятся, то, наверное, поговорю с кем-нибудь.

– С психотерапевтом?

– Вообще-то мне не очень хочется.

– Будь я на твоём месте, то непременно бы обратилась к врачу.

– Ты обращалась к кому-нибудь? К специалистам?

– Нет, я разговаривала только с родителями. Но обратилась бы, если бы у меня случались панические атаки.

Некоторое время мы сидим молча.

– Прости, что обломал тебе весь вечер, – говорю я. – Мне казалось, будет весело. Что мы сможем хотя бы ненадолго вернуться к нормальной жизни. Вспомнить нашу традицию.

– Ты ведь знал Эли. Неужели ты думал, что все наши свидания были радужными праздниками с пони и мороженым?

– Нет.

– Хотя у нас ведь не свидание.

Я краснею.

– Знаю.

К счастью, Джесмин не замечает моего замешательства.

– Мы говорили о реальных проблемах. Я не боюсь открытых разговоров.

– И я тоже.

– В таком случае у нашей дружбы есть все шансы.

– Надеюсь.

Мы замолкаем и спокойно наблюдаем, как постепенно темнеет небо и солнце садится за горизонт. Нас овеивает легкий ветерок, словно день тихо дышит, постепенно засыпая.

Наконец я заговариваю, но не для того, чтобы нарушить

затянувшееся молчание, а потому, что мне хочется поговорить.

– Бабушка Блейка пригласила меня провести с ней еще один день. Она предложила провести этот день так, как это сделали бы они с Блейком в его последний день на Земле. Попытаться воссоздать его образ или жизнь, или что-нибудь в этом духе.

– Каким образом?

– Я пока не знаю.

– Кажется, это не так-то легко. В эмоциональном плане.

– Да, я уже думал об этом.

– И ты согласишься?

– Не уверен. – Мне хочется рассказать ей, как я жажду искупления. Но тогда я признал бы свою вину, а пока что это мой секрет, клубок ядовитых змей у меня под подушкой. Мне также хочется признаться, как сильно я боюсь, что не смогу воссоздать правдоподобного образа Блейка, и потому сомневаюсь, стоит ли.

Проходит несколько мгновений.

– Ты была когда-нибудь на море в ноябре? – спрашиваю я.

Она качает головой.

– А я был. Один раз. Моя тетя вышла замуж в Ау-тер-Бэнкс, штат Северная Каролина. В ноябре. Мы с Джорджией были в восторге, что поедem к морю, и взяли с собой купальники и все для пляжа.

– Но разве там не холодно в это время?

– Родители пытались нас в этом убедить, но мы их не слушали. И вот мы приехали туда, а все вокруг закрыто. Ни души, замерзший пляж. Невозможно описать словами, каким холодным выглядел этот пляж. Там не было голых деревьев или чего-то подобного. И океан выглядел тем же самым. Все казалось таким же, как и летом. Это вполне могло бы быть и летом, но только пляж выглядел безлюдным и все было закрыто. Полное ощущение грусти и одиночества.

Джесмин убирает за ухо прядь волос.

– Не сомневаюсь.

– Вот именно так я и ощущаю себя сейчас. Как тот пляж в ноябре.

Джесмин встала.

– Пойдем со мной.

– Ты хочешь домой?

– Нет, туда, где видна линия горизонта. Я еще не привыкла каждый день видеть одни небоскребы.

Мы идем на другой конец парка, откуда видно небо над Нэшвиллом, мерцающим расплывчатыми от влаги огоньками. Джесмин опускается на траву.

– Не боишься клещей? – спрашиваю я.

– Ни капельки.

Я плюхаюсь рядом.

– Тогда разделю с тобой эту беду.

– Теперь я понимаю, почему Эли так тебя любил.

– Правда?

– Да. Твои мысли похожи на тексты песен.

– Это хорошо?

– Я не собираюсь тебя обижать после того, как ты изменил мою жизнь, показав беличье родео, – с едва заметной улыбкой откликается Джесмин.

– Вы с Эли много разговаривали о музыке?

– Девяносто процентов времени – это много или мало?

– Разговор со мной, вероятно, похож на морской пляж в ноябре.

Джесмин покачивает головой и переводит взгляд на упирающиеся в небо белые пики небоскребов. Она кажется мне отстраненной, встревоженной.

Я вглядываюсь в ее лицо.

– Прости, если сморозил глупость.

– Вовсе нет.

– А что тогда?

Она по-прежнему не отводит взгляд от горизонта. Затем глубоко вздыхает.

– Мне страшно. Через два дня начнутся занятия, а я не уверена, что готова.

– Я тоже.

– И хотя Эли больше нет, у меня совершенно неожиданно появился еще один друг. Но я все равно боюсь.

– У меня осталось ненамного больше друзей, чем у тебя. Так что я это хорошо понимаю.

Джесмин меняет позу и садится, скрестив ноги. Она тере-

бит остроконечные стебли травы.

– А теперь я боюсь умереть, не успев попробовать в этой жизни все что хочу. Ведь семнадцать лет – это так мало. Я еще многому хочу научиться. Хочу записывать альбомы и выступать. И раньше я никогда не была одержима мыслями о смерти.

– Я тоже. Сейчас я иногда смотрю на свою книжную полку и думаю о том, что однажды умру, не успев прочитать многие из своих книг. А ведь одна из них вполне могла бы изменить мою жизнь в лучшую сторону, но я этого не узнаю.

Джесмин протягивает руку и осторожно снимает с моего рукава божью коровку.

– Пойдешь со мной в колледж в первый учебный день? Как тебе эта идея?

– Я собирался попросить тебя о том же.

Джесмин ложится на траву, закинув руки за голову. Я остаюсь сидеть.

– Я и не предполагала, – бормочет она в ответ.

– Правда?

– Мы должны договориться, что станем вспоминать о прошлом только время от времени.

– Думаю, это хорошая идея. – Я рад, что она это предложила, потому что мне казалось, что сам я не имею на это права.

– И это не означает, что мы стали меньше их любить. Это означает, что мы должны жить дальше.

По улице, примыкающей к парку, мчится машина, из открытых окон разносится громкая музыка. Компания из семи-восьми подростков проходит мимо нас, болтая и хихикая. По тропинке неторопливо прогуливаются отец и мать, отец несет на плечах уставшего малыша.

Ночь опускается, словно падающее одеяло. Город превращается в созвездия огней, каждый из которых родился благодаря руке, повернувшей выключатель. Руке, связанной с разумом, вмещающим в себя целую вселенную воспоминаний и вымыслов – обычную историю чьей-то любви и боли.

Повсюду жизнь, пульсирующая, жужжащая. Огромное вращающееся колесо. Свет вспыхивает или гаснет то здесь, то там. Вечная смерть. Вечная жизнь. Мы продолжаем существовать, пока не перегорим.

И эта бесконечная смена начала и конца – единственное, что не имеет конца.

Глава 11

Я отвожу Джесмин домой и, вернувшись к себе, тут же пишу ей смс.

Мне понравился сегодняшний вечер.

Конечно, стоило подождать. Я не хотел бы показаться странным типом. Но теперь я остро осознаю, как важно успеть сказать людям о чем хочешь, пока не стало поздно.

Она отвечает через несколько секунд.

Мне тоже.

Давай увидимся в ближайшее время. Мы классно поговорили.

Конечно.

Расплавленное розово-золотистое тепло (именно таким мне представляется цвет, спектрально противоположный цвету одиночества) на мгновение заполняет меня изнутри.

А затем мне приходит в голову – а что если Эли, где бы он ни находился, видит, что я пишу его девушке, рассказывая, как классно мы провели время без него? Надеюсь, он не может меня видеть. Мне не хотелось бы, чтобы он все неправильно понял.

Глава 12

Утром за день до начала учебы я сижу дома. Я психологически готовлюсь к встрече со своим адвокатом через несколько часов, и на меня внезапно накатывает волна странной отваги. Я чувствую, что готов сказать Нане Бетси: *Да, я это сделаю. Я устрою день прощания. Я сильный и справлюсь.*

Я подъезжаю к ее дому, прохожу по подъездной дорожке и останавливаюсь около двери. И вот тут всю мою браваду как рукой снимает. Похоже, смелость подшутила надо мной.

Потом думаю, что все равно стоит постучать и спросить, не нужна ли ей помощь, но не упоминать о дне прощания. Но я боюсь, что она сама вспомнит об этом и заметит печать трусости на моем лице, почует исходящее от меня зловоние вины. Поэтому я ретируюсь, надеясь, что она забудет о нашем разговоре.

Глава 13

В приемной адвоката, отделанной дубовыми панелями, пахнет кожей кресел, старой бумагой и сигаретным дымом, въевшимся в одежду кого-то из последних посетителей. На стенах тут и там развешаны картины, изображающие игроков в гольф и охотничьих собак с разнообразной дичью в пасти. На низеньком столике разложены обычные для приемных журналы (*Sports Illustrated*, *Time*, *Southern Living* и еще какие-то), но никто из нас их не читает. В общем, это самый паршивый способ провести последний день каникул, но, похоже, в последнее время я постоянно попадаю в паршивые ситуации.

Я сижу между мамой и папой, который ерзает в кресле и не перестает скрещивать и тут же распрямлять ноги. Мои ноги дергаются, когда я опускаю локти на колени и разглядываю потертый паркет. Мама легонько поглаживает меня по спине, и это прикосновение немного успокаивает. Слава богу, что Джорджия на работе. Она сейчас раздражалась бы сама и раздражала меня.

В тишине приемной слышно лишь, как секретарша постукивает пальцами с идеальным маникюром по экрану своего телефона, набирая текст смс.

— Юристы, бро, — говорит Марс, подвинув стул и усаживаясь напротив меня.

— Да, — откликаюсь я.

— Не-а, серьезно, чувак. Я-то знаю, что это такое.

— Твой отец.

— И мой брат. Не забывай о моем брате. Он такой же, как и отец. Братан, они объединялись и изводили меня своими юридическими штучками в самых обычных ситуациях.

— Например?

— О... Мы играем в настольную игру, и тут отец говорит брату: «Маркус, ты не можешь сделать этот ход». А брат отвечает: «Нет, могу, потому что если досконально изучить правила игры, то становится понятно, что они отражают неявный замысел, что я мог бы сделать подобный ход». А отец ему в ответ: «Бла-бла, но если ты выйдешь за рамки принятых правил, бла-бла, я даже не знаю, какие это повлечет последствия».

— Дай-ка угадаю: кто бы из них ни выиграл спор, ты в любом случае проиграешь.

— Дзынь-дзынь.

— И вот я здесь, сижу в приемной адвоката, жду, когда он расскажет мне, как станет спорить с другим юристом, чтобы спасти мою тупую задницу. И кто бы из них ни по-

бедил, я все равно проиграю. В той или иной степени.

— Точно.

— Один из них может победить, но я проиграю.

— Именно об этом я и толкую.

— Ты мне очень помог, чувак.

— Я старался.

— Это полный отстой.

— Знаю. — Марс ухмыляется мне своей кривой улыбочкой и поправляет очки.

— Возможно, нам следует собраться и попытаться избежать неприятностей.

— Я уже их избегаю.

— Верное замечание. Как поживаешь, приятель? У тебя все хорошо там, где ты сейчас?

Но он уже исчез.

** * **

В конце короткого коридора распаивается дверь и из кабинета с важным видом выходит парень, похожий на человекообразного койота, с ледяными голубыми глазами и татуировкой на лице. Он напоминает преступника. Высокий тучный мужчина с косматыми седыми волосами, одетый в серый костюм-тройку в светлую полоску, выходит следом за ним.

— Мистер Кранц, Карвер Бриггс уже здесь, — обращается секретарша к седовласому мужчине.

Мистер Кранц подходит к столу секретарши и протягивает руку, а мы встаем и пожимаем ее.

— Друзья, я Джим Кранц. Зовите меня Джимми. Рад знакомству. Пойдемте. — Он говорит с сильным акцентом.

Мы входим в небольшой конференц-зал. В нем стоит круглый стол из красного дерева, книжные полки забиты юридическими книгами с зелеными и коричневыми корешками с золочеными буквами, стоят кожаные кресла, лампы с зелеными абажурами и еще висит несколько картин со сценами охоты и игры в гольф.

— Садитесь, садитесь. — Мистер Кранц приглашающе машет рукой. Сам он выдвигает кресло и, кряхтя, усаживается за стол. Затем, нацепив на нос очки, достает блокнот и дорожную на вид золотую ручку. — Отлично, друзья. Итак, расскажите, в чем суть вашей проблемы.

Я сижу, не раскрывая рта. Отец откашливается и принимается рассказывать мистеру Кранцу об аварии и об обращении судьи Эдвардса к окружному прокурору с целью начать расследование. Мистер Кранц кряхтит и делает записи. Затем он откидывается на спинку кресла и кивает мне.

— Ладно, сынок. Расскажи мне об аварии. Какое ты имеешь к этому отношение, если имеешь? Помню, что читал об этом в газете сразу после того, как все произошло, но не припоминаю, чтобы там говорилось о причинах аварии. Это связано с смс?

Мои ноги снова начинают дрожать. Я сглатываю подка-

тившую к горлу кислоту, откашливаюсь и делаю глубокий вдох.

– Я был на работе. Гм. Планировал встретиться с друзьями, с Блейком, Марсом и Эли. Они возвращались из торгового центра «Опри Миллс», из кинотеатра IMAX и собирались забрать меня с работы, чтобы всем вместе поехать в парк. И поэтому я написал Марсу: «Вы где, ребята? Ответьте». И все.

Мистер Кранц не поднимает головы от своих записей.

– Кто был за рулем?

– Марс Эдвардс.

– Сын Фреда Эдвардса?

– Да.

– А Марс ответил тебе?

– Нет, но в его телефоне оказалось незаконченное смс, которое он писал, когда они... гм... когда...

– Хорошо, я тебя понял, – мягко отвечает мистер Кранц, оторвавшись от блокнота. – А теперь, Карвер, запомни, что вся представленная тобой информация строго охраняется адвокатской тайной. Это означает, что никто не имеет права заставить тебя рассказать то, что мы здесь обсуждали. Это касается и твоих родителей, потому что они являются непременными участниками защиты. Адвокатская тайна существует для того, чтобы мы могли быть предельно честными друг с другом, чтобы я смог защитить тебя лучшим образом, если дело дойдет до суда, понятно?

Я киваю.

– Поэтому я должен спросить тебя: знал ли ты, когда писал Марсу, что он, скорее всего, ответит тебе?

В это мгновение я чувствую себя так, словно вот-вот провалюсь под лед. Я пытаюсь сдержать слезы, но несколько слезинок выкатываются из глаз.

– Да.

– Ты знал, что в этот момент Марс был за рулем?

– Знал, – шепчу я. Мне больно признаваться в этом перед родителями. Я знаю, что подвожу их.

– А почему ты написал именно Марсу, а не кому-нибудь другому из друзей в машине?

– Гм... – У меня почва уходит из-под ног.

– Подумай хорошенько.

– Гм. Потому что Марс всегда быстрее всех отвечал на смс. Даже за рулем. У меня не хватало терпения их ждать. Я сделал это, не подумав. – Слеза соскальзывает на зеленый ковер конференц-зала и медленно расплзается. Мама успокаивающе гладит меня по затылку.

– Хорошо, – спокойно произносит мистер Кранц и откидывается на спинку кресла. Он откладывает ручку, снимает очки и некоторое время задумчиво покусывает дужку, давая мне возможность взять себя в руки. Или, по крайней мере, попытаться.

– Совершенно очевидно, что он никому не хотел навредить, – восклицает мама. – Это просто смешотворно!

– Что ж, – отвечает мистер Кранц, продолжая жевать дуж-

ку очков. – И да, и нет. – Он встает со своего места, подходит к книжной полке, снимает с нее зеленый том и, надев очки, принимается быстро перелистывать страницы. А затем снова садится.

– Друзья, я не стану приукрашивать. По закону штата Теннесси существует преступление под названием «убийство по неосторожности». Раньше это называлось непреднамеренным убийством. Убийство по неосторожности происходит, когда кто-то принимает на себя «существенный и необоснованный риск» и «неспособность осознать это приводит к абсолютному отклонению от стандарта осмотрительности, которого человек придерживается при всех обстоятельствах, рассматриваемых с общепринятых позиций».

Я не до конца осознаю, что он говорит, понимая лишь, что значат выражения «необоснованный риск» и «абсолютное отклонение». Острый спазм сжимает мой желудок.

– Можно перевести, что вы сказали? – спрашивает мой отец, потирая лоб. – Я, профессор английского языка в колледже, абсолютно ничего не понял.

Мистер Кранц снова снимает очки.

– Это означает, что если вы прекрасно осознаете, что ваши действия могут повлечь чью-то смерть, и продолжаете это делать дальше, то вы автоматически оказываетесь на крючке, хотя в душе вы и не думали никого убивать. Это последнее новшество в судебном преследовании. В Массачусетсе попытались предъявить обвинение в убийстве девуш-

ке, которая своим смс спровоцировала подругу на совершение самоубийства. Здесь похожий случай.

Мои внутренности начинают медленно опускаться вниз. Комнату, словно струя нервно-паралитического газа, заполняет агрессивная тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.